

**Арте
факт
детектив**

На протяжении многих веков
от отца к сыну с титулом князей
Урганских переходило кольцо
с печатью в виде волка-оборотня
и вместе с ним проклятие...

ЕКАТЕРИНА ЛЕСИНА

**Кольцо
князя-оборотня**

ЭКСМО

Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина

Кольцо князя-оборотня

«ЭКСМО»

2008

Лесина Е.

Кольцо князя-оборотня / Е. Лесина — «Эксмо»,
2008 — (Артефакт & Детектив)

Егор, наследник князей Урганских, всегда носил кольцо с печатью в виде волка-оборотня. Не догадывался только, что это знак проклятия, наложенного много веков назад, и недоумевал, почему у него никак не складывается семейная жизнь. В конце концов жена Томила, обиженная его невниманием, неожиданно исчезла вместе с дочерью Юлей – как Егор понял из записки, они ушли в какую-то секту... Настя, потеряв мужа и ребенка в автокатастрофе, не хотела жить. Но проповедник Андрей сумел утешить ее и уговорил переселиться в общину, предварительно отдав свою квартиру... Егор с Настей еще не знали, что им суждено встретиться, ведь по легенде женщина-птица должна спасти мужчину-волка...

© Лесина Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть первая	8
Ведьма	8
Охотник	10
Ищейка	12
Охотник	13
Ведьма	15
Охотник	20
Ведьма	23
Охотник	25
Ведьма	26
Охотник	27
Ищейка	29
Ведьма	30
Охотник	37
Ведьма	38
Охотник	39
Охотник	41
Ищейка	43
Ведьма	45
Охотник	46
Ведьма	48
Ищейка	52
Охотник	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Екатерина Лесина

Кольцо князя-оборотня

Пожаром по Урганским топям разнеслась весть о тяжелой болезни князя. Страх поселился в Белой Крепи. Олег видел его и в глазах седых, изукрашенных шрамами воинов, и на лицах шустрых, точно жеребята-стригунки, мальчишек, только мечтающих о подвигах ратных. Девки и старухи, бояре и холопы, невинные и виноватые – князя боялись все. Да и что о людях-то говорить, когда и кони, и собаки, и соколы ловчие боле не признавали Олега. Становился на дыбы, хрипел, бил копытом верный Громень, скулили, прячась по углам, свирепые псы, а соколы норовили клюнуть... Чужали неразумные болезнь, видели глазом своим черное безумие, поселившееся в сердце княжеском. Он и сам его чуял, совладать пытался, одолеть, да тщетно, дикий зверь то и дело вырывался на волю, творя дела ужасные, которые ни перед людьми, ни перед богами не замолишь.

Напрасно спорили бояре, пытаясь отыскать причину. Одни говорили, будто дело все в волке, которого Олег три зимы тому плетью зашиб, другие божились, что князя водою из следа звериного отравили, третьи на ведьм да колдунов грешили, да только пустые все споры, бестолковые. Знал князь, кого проклинать за безумие: не волка убил, не колдуна, но воина-иноземца, в шкуру звериную облаченного. И случилось это на торгу Новгородском, где обезумевший варяг с топором за людьми безоружными гоняться стал. Страшен он был, глазами красными, турьими, вращал дико, щит круглый зубами грыз, а на землю с губ пена белая летела, точно с жеребца загнанного. Не убоялся Олег варяга, ринулся в бой и милостью Божьей одолел воина-зверя, да только тот, умирая уже, ухитрился-таки заглянуть в глаза князю. Верно, тогда-то и перелетело безумие, смерти страшась, из одного тела в другое.

Или окаянная болячка еще раньше в кровь попала, тогда, когда топор берсеркера-воина стальным пером птичьим бровь рассек? Не в этом ли шраме, ниточке белой, тоненькой, сидит дух волчий?

Заболел князь.

– Здраве будь, княже. – Молчан нерешительно замер на пороге. И он, один на один вышедший на медведя-шатуна, боялся странного недуга.

– Зачем пожаловал? – спросил Олег. Обида на старого друга была горькой, точно листья полыни, которой его пытались лечить.

– Тут, княже, старуха одна... видеть тебя желает.

– Для чего?

– Говорит, знает про беду твою и помочь сумеет.

– Сумеет? – усмехнулся Олег.

Каждый месяц появлялись желающие помочь: лекари, травники, монахи бродячие, даже звездочет один из самого Царьграда был. Все отступили.

– Не веришь мне, княже? – Старуха выглянула из-за широкой спины Молчана. – Правильно, ежели каждому верить, то и веры не останется.

Она засмеялась, затрясла седыми патлами, зазвенела наручьем серебряным да бубенцами, на лохмотья нашитыми. Дряхлая была ведьма, но шустрая, мышью проскользнула мимо Молчана, и вот уже лаптями грязными топчет ковер заморский. Хотел Олег сказать воеводе, чтобы убрал проклятущую бабу с глаз долой, да только застряли слова в горле.

– Иди, иди, воевода Молчан, – замахала руками старая, – у тебя, чай, делов много, а мы туточка с князем покумекаем, как беде его помочь.

К удивлению Олега, Молчан послушно вышел.

– Ну, что, княже, – черные глаза ведьмы заглянули в самую душу, – тяжело тебе?

– Тяжко... – Неожиданная слабость растеклась по телу, а давешняя обида на людей разрослась в настоящую горе. Больно стало. Запоздалые некрасивые слезы медвежьей лапой сдавили горло.

– Помогу я тебе. Научу, как дух волчий усмирить, а ты, княже, пообещай...

– Проси что хочешь! – Олег как-то сразу поверил, что эта старая, как Урганские топи, женщина сумеет одолеть недуг. Ради этого он готов на все, пусть просит, лишь бы помогла.

– За внучкой моей пригляди. Негоже девке в лесу жить. К себе возьми, в Крепль, да следи, чтобы не забижали, а коль получится, то и мужа същи хорошего...

– Все сделаю! Сестрой назову! Любить буду, как дочь родную! За боярина...

– Легко ты на слова, светлый княже. – Цепкие пальцы ведьмы обхватили запястье. – Гляди, одна она у меня осталась. Птица дикая... В тебе дух волчий, в ней птичий, все лететь стремится, да крыльев нету... Людям верит... Береги ее, княже, а не то... Коли слово свое нарушишь, не токмо к тебе болезнь вернется, а всему роду твоему проклятьем станет.

Не обманула старуха. Три дня и три ночи ворожила, зельями горькими поила, травами дурманными окуривала да мясом сырым кормила, а на четвертый день почувствовал Олег, что отступило безумие, заснул зверь под сердцем, и дышать стало легче.

На прощание подарила ведьма перстень золотой с тисненою волчьей мордой.

– Держи, – сказала, – печать волчью, носи, не снимая. И про слово свое помни...

Она и вправду была птицей, черноокая, черноволосая Аннелике, доверчивое лесное создание. В ее глазах Олег увидел себя. Глядя в черные зрачки, Олег смирился с собой, сумел сжиться с волком внутри. Зверь больше не спал, но и не рвался на свободу. Он тянулся к Аннелике, а она готова была принять зверя зверем. Приняла и человека.

Это не было похоже на любовь, скорее на сговор двух обреченных, двух проклятых, мятущихся. Иногда князю хотелось выть от злости и отвращения к самому себе. Нельзя было привязывать чужую душу, нельзя было манить чувством, дать которое не способен, нельзя было... Но он не мог без Аннелике. Дурман. Проклятие. Свобода. С Аннелике даже волчья печать стала не нужна, зачем, если есть ее глаза, ее душа, ее любовь...

Молчана присутствие ведьминой внучки поначалу бесило, бояр да людей знатных – возмущало, людей простых – ужасало. Но князь крепко держал власть, а память о болезни, страх давний, служила хорошим подспорьем. Скоро все поверили, что, стоит исчезнуть чернотглазой птице, недуг вернется.

Так и случилось. Не по своей воле женился князь, по сговору старому, еще его отцом учиненному. Высватал Мстислав за сына новорожденную дочь боярина Вакуты, Евдокию. И вот, как настало время, исполнил Олег уговор старый. Появилась в Крепи новая хозяйка, круглолицая, белокожая княгиня, ласковая да красивая.

Два дня пировали бояре, а на третий день исчезла Аннелике, не сразу ее хватились, а хватившись, искать не стали. И князя отговорили – сама ведь ушла, не гнал никто, а значит, и слово Олегово, ведьме данное, не нарушено. Олег поверил, ведь зверь внутри хоть и не спит, но и на волю не рвется, тихо тоскует по своей подруге-птице...

Желтым огнем догорела осень, напоследок слезами умывшись. Белую шубу примерила зима, инеем серебристым ели да сосны убрала, тяжким панцирем льда болота сковала. Ведьма явилась аккуратно в середине весны, когда треснул лед. Тенью проникла в покои княжеские, а Олег и не удивился. Ждал. Давно ждал, с того самого дня, как пропала Аннелике, и вот дождался...

– Здраве будь, княже.

– И ты здравствуй. За внучку свою спросить пришла? Так я не виноват, сама она ушла, улетела, верно ты говорила, бабушка, что душа у нее птичья, вот и упорхнула твоя Аннелике на свободу... – Речь Олег приготовил давно, но слова отчего-то казались лживыми и необидительными.

– Не виноват, говоришь... – старуха вздохнула. – Может, и не виноват, может, не ту болячку я лечила, может, вместо зверя совесть твою усыпила, так чего ж теперь горевать-то, поздно уже...

– Аннелике?

– Улетела птица. Раскололась душа, человечья часть померла, а птице в теле людском тяжко, неудобно, на свободу просится, не сумела я удержать ее... Только и удалось дитяти дожидаться. Вот, дочку твою принесла, примешь али как?

Сейчас князь заметил и сверток в руках ведьмы. Дочка. Аннелике родила дочь. Наверное, такая же черноокая, в мать. Всего-то и нужно, что откинуть тряпицу с младенческого личика... Нельзя. Негоже брат в дом это дитя, когда княгиня вот-вот от бремени разрешится, законным наследником порадует. А эта... Ведьмино отродье. Существо с душою непонятной. Не поймут люди.

– Значит, не примешь. – Ведьма верно оценила молчание Олега. – Твой выбор, княже, только уж не сердчай, и я свое слово сдержу...

– Печать...

– Не поможет она тебе. Волколаком ты был, волколаком и останешься... Жил ты князем среди людей, будешь князем и среди волков. Дар мой крепкий от отца к сыну, от деда к внуку, и не оборвется род твой, пока лежат Урганские топи, пока воют волки серые, пока плачет птица, небо потерявшая... Расколотое дерево болеет, расколотый род счастья не имеет, болью за боль, обидой за обиду...

Растворилась в сумерках ведьма, а в ушах князя смешными бубенцами звучали последние слова.

Болью за боль.

Обидой за обиду.

Шрам над бровью налился огнем. Волчий вой серой лавиной затопил разум, оставив единственное желание: бежать. Туда. На болота. Присоединить свой голос к печальному хору. Найти потерянную птицу и заглянуть в ее глаза. Может, случится и себя увидеть...

...Сколько веков с той поры минуло – никто не знает. Забылась история Олега, сплелась с судьбами княжеских потомков. Но каждый носил на пальце волчью печать – перстень оборотня-волколака.

Часть первая

Ведьма

Август

Я Саверина Анастасия Филипповна, умерла пятнадцатого мая прошлого года в восемнадцать часов двенадцать минут, когда на моих глазах самолет разлетелся огненным шаром.

Тогда я даже не успела понять, что умираю, слишком быстро все произошло. Вот я стою, машу рукой и представляю, как Валюшка хнычет, а Толик объясняет, что мама прилетит следующим рейсом. Вот грузная туша самолета неуклюже выползает на черную полосу, катится и почти красиво взмывает в небо. Птицу выпустили на свободу, птица не сумела взлететь: вздрогнула, покачнулась и рухнула вниз. Мы видели лишь длинные, неправдоподобно тонкие крылья, переломанные пополам, да высоко задранный хвост...

Никто не выжил. Сто двадцать один человек. Сто двадцать два – я тоже разбилась в том самолете, умерла вместе с мужем и дочерью. Плохо помню, что было после катастрофы. Врач. Укол. Камеры. Фотоаппараты. От вспышек слезятся глаза, и чужие люди с почти садистской радостью крадут эти ненастоящие слезы для их ненастоящих новостей. Потом отель, расследование, встречи с представителями авиакомпании, которые бормотали что-то утешительное...

Домой я попала через месяц. На самолете. Я не боялась лететь, наоборот, молилась, чтобы проклятая игрушка упала с небес, но самолет без проблем приземлился в Домодедове. Серая Москва встретила блудную дочь горячими слезами летнего дождя, грязными улицами и лживым блеском витрин. Попав в пустую квартиру, я впервые заплакала.

Похорон не помню... память для живых, а я умерла. И окружающий мир тоже умирал... Друзья и знакомые исчезли, должно быть, испугались призрака смерти. Но существовать в полном одиночестве было легче. Я могла бродить по комнатам, охотясь за серыми клубками пыли, задергивать шторы, ограждая мою могилу от ядовитого солнечного света, на который я не имела права, надевать рубашки Толика и рассаживать Валиных куколок за розовым столом. Могла разговаривать с фотографиями и жаловаться на одиночество, могла плакать, хоть слезы и разъедали глаза, подобно кислоте, могла воображать, что я тоже с ними... Если бы та пожилая пара из Германии не продала Толику билеты, он был бы жив. Он и она, два самых дорогих для меня человека. Те немцы зачем-то просили потом прощения, но я видела в их глазах радость, тщательно скрываемую радость – они жили, и я ненавидела их за это. Впрочем, я ненавидела всех, себя в том числе.

День за днем, неделя за неделей я варилась в собственном аду, дышала, ела, спала, бродила по улицам, и, наверное, рано или поздно мое желание исполнилось бы, но Небо рассудило по-другому.

Я думала, что живу в аду, не зная, что такое настоящий ад.

Мой путь начался с церкви, куда я забрела случайно... Здесь не было ни золота, ни икон, ни свечей, ни старушек в черных платочках, только гулкая пустота заброшенного храма да голубиное воркование. Свет, прорываясь сквозь осколки витражей, цветными пятнами разлетался по грязному полу, танцующие пылинки тянулись вверх, а полустертое изображение креста почти парило в воздухе. Я села на пол и заговорила. С крестом. С голубями. С пылинками и голубыми пятнами света на ладони.

– Вы думаете, что Господь вас оставил? – Голос, раздавшийся сзади, замечательно подходил к этому месту, ласковый, спокойный и заботливый, наверное, поэтому я ответила:

– А разве не так?

– Нет. – В этом «нет» было столько уверенности, что я обернулась. Так мы познакомились с Андреем.

– Человек может закрыть сердце свое, но Господь никогда не оставит человека. Мы все – дети его. Любимые дети.

– Тогда почему? – Я смотрела в его глаза и видела в них то, что утратили иконы в храме Василия Блаженного – человечность.

– Вы задаете этот вопрос мне? – Он присел на мокрый камень. – Я – всего-навсего человек, а человеку неведомы пути Господни. Сейчас вам кажется, будто произошедшее с вами суть несправедливость, и я не стану разубеждать вас в этом...

– А вы знаете, что со мной произошло?

– Нет. Но разве конкретные факты так уж важны? Если бы в вашей жизни все было в порядке, вы бы не сидели здесь со мной. Кстати, вы не боитесь?

Боюсь? Чего мне бояться?

– Где ты живешь? – спросил он.

– Зачем тебе знать?

– Я провожу. Люди слишком часто отрекаются от жизни, забывая, что это – самый ценный из даров Божьих.

ОХОТНИК Ноябрь

– Эй, есть кто дома? – Егор нарочно орал во всю глотку, чтобы эхо разнеслось по квартире. Вот сейчас на крик выглянет Юлька и с радостным визгом: «Папочка приехал!» – бросится на шею. А Томочка даже оторвется от чтения Библии, чтобы поприветствовать супруга, которого месяц не видела, и если уж совсем повезет, то и поужинать удастся спокойно, без нотаций.

Но радостный крик утонул в вязкой тишине.

– Эй... – Квартира встретила хозяина пылью и запустением. – Есть кто...

Стоя на пороге, Егор еще пытался убедить себя, что ему лишь кажется, что ничего страшного не произошло, что они не ушли, а вышли... На минутку. В магазин или церковь, пускай это будет даже церковь – если они вернуться, пообещал Егор, он не станет упрекать Томочку, только пускай они вернуться...

Пожалуйста...

Письмо он нашел на кухне.

«Егор, я знаю, что ты будешь проклинать меня за то, что я сделала. Ты отринул глас Божий, продавшись Сатане, тем самым обрек свою бессмертную душу на вечные страдания. Боюсь, спасти тебя не в моих силах, но я не позволю, чтобы дочь наша погрязла в грязи и разврате, в который ты ее толкаешь. Она осознанно выбрала путь к Богу, не пытайся даже помешать нам, ибо Он – заступится за овец своих, защитивши их от рук слуги Дьявола.

Мы будем молиться за тебя. Сестра Тамара. Сестра Юлия».

– Твою ж... – Егор ударил кулаком в стену, руку пронзила боль, которая погасила первую волну ярости. – Сука! – Он сел на пол, тяжелая дубленка сковывала движения, а под ботинками растекалась грязная лужица растаявшего снега. Надо же, снаружи идет снег, белый снег в ноябре, и люди радуются белым хлопьям, планируют на выходных прогулки в заснеженный лес, катание на лыжах, рисуют в своем воображении, как будут лепить снеговиков и ледяные крепости. Юлька любила зиму, впрочем, Юлька любила жизнь с той силой, с какой способны любить четырнадцатилетние девочки. А теперь Томка заберет у нее всю радость, задавит своей верой, как задавила саму себя. Ну почему он не вмешался, когда была такая возможность? Почему не запретил эти дурацкие походы, молитвы и собрания?

Занят был. Бизнес. Спешка. Вперед, пока конкуренты не догнали, не поравнялись, не вцепились в загривок. Еще и радовался, что жена больше не жалуется на одиночество и длительные отлучки мужа, на занятость и вынужденное равнодушие – он слишком уставал, чтобы уделять внимание еще и ей. В последнюю очередь ей. Наверное, если бы Тома завела себе любовника, он бы отреагировал, но, к несчастью, она чересчур уважала себя. Или его. Или не уважала, а любила. Ведь была когда-то у них любовь. Когда? Пятнадцать лет тому? Еще до рождения Юльки, когда они с Томкой только-только поженились и жили в общаге нелегально, каждую минуту тряслись, что начальство поменяется и их вышвырнут на улицу. Егору вдруг вспомнилась скрипучая кровать, обои с черными потеками – каждую осень комнату заливало, и обои жадно впитывали влагу, там еще был колченогий стол, наглые тараканы и еще более наглые соседи. И счастье. Целая комната радости и любви. А здесь? Он начал работать, когда Томочка забеременела, ей нужны были фрукты, витамины, хорошие врачи и квартира – нельзя же тащить младенца в общагу. Он сумел. Раскрутился. Теперь у Егора кроме этой квартиры имелись еще две – в Питере и Екатеринбурге. У него много чего имелось, но когда же Томочка и Юлька, для которых он жил и работал, отошли на второй план? В прошлом году? Позапрошлом? Или раскол случился раньше?

«Ты отринул глас Божий, продавшись Сатане...»

Томочка ушла в религию с головой. Сначала еженедельные походы в церковь стали ежедневными. Потом к церкви добавилось прослушивание аудиокассет с проповедями, Егор пытался слушать, но ничего не понял – уверенный мужской голос говорил о добре, зле, Боге, Сатане, грехе и бессмертии... Он начал волноваться лишь тогда, когда Тома превратилась в существо, ненавидящее любое проявление радости. Она упрекала Егора за то, что он слишком много думает о плоти своей и совсем забыл о душе, за то, что он несет в дом деньги, а не раздает их нищим, за то, что не знает слов молитвы и не ходит в церковь... Список был бесконечен. Ее ненависть давила, словно гранитная глыба на могиле, Егор ощущал себя похороненным заживо, и лишь Юлька, Юланчик, Юлечка приносила в их дом жизнь. Ради нее он возвращался в этот склеп, ради нее пытался вытащить жену из раковины благочестия, ради нее сохранял пародию на семью и варился в Томкиной ненависти.

А теперь, что ему делать теперь? Как вообще он не заподозрил неладное? Снова был занят? Да, Егор звонил домой скорее по привычке, нежели в надежде на ответ, – стоило ему выйти за порог квартиры, как Томочка отключала телефон. Голос Дьявола. Почему-то во всех достижениях прогресса она видела сатанинские козни. Она вообще везде видела Дьявола, а Егор... Из-за его безучастия пострадает Юлька.

Поднявшись, Егор перечитал записку еще раз. А потом еще. Ярость разгорелась с новой силой. Если Томочка и подонки, задурившие ей голову, ожидают, что он отдаст им Юльку, то глубоко заблуждаются.

Ищейка

Ноябрь

– Значит, в Москву, да? В начальники?

– В Москву, но не в начальники. – Игорь Васютка (смешная фамилия поначалу доставляла множество хлопот, но постепенно все привыкали) понимал, что Михалыч зудит не со зла и не из зависти, а по привычке. Сколько себя Васютка помнил, Михалыч пребывал в состоянии вечного недовольства, причем недовольство это попеременно направлялось то на начальство, то на коллег, то на жену, то на тещу, то на жизнь в целом.

– Кабинет небось выделят, машину, зарплату повысят...

Васютка крупно сомневался, что ему что-то выделят, разве что работу, вот на работу ни одно начальство не скупилось, работа – это вам не машина-кабинет-зарплата, ее на всех хватит.

– Повышают, повышают, а чего повышать-то, когда ни опыта, ни мозгов... – продолжал бухтеть Михалыч. – Проставляться-то будешь или как?

– Буду, – заверил Васютка, Михалыч подобрел и, ткнув локтем в бок, вполне дружелюбно пробасил:

– Ну, то-то же, ты, Игорек, гляди, особо там не мельтеши, дюже умных нигде не любят...

ОХОТНИК Ноябрь

Прошло три дня. Это целая уйма часов, минут и секунд, целая вечность без сна и еды. Егор едва держался на ногах, но все его попытки отыскать след Тома закончились провалом – жена сгинула, будто ее и не было. Лучше бы ее не было – пожаловался Егор своему отражению. Лучше бы ничего не было, ни рыжеволосой хохотушки с первого курса, ни прогулок в парке, ни поцелуев на заднем ряду кинотеатра, ни общаги, ни Юльки, ничего... Тогда ему не было бы так больно сейчас.

Он напряг охрану. Он нанял сыщиков из бывших ментов. Он объехал все церкви в Москве. Он подал заявление в милицию, которое удалось всучить лишь после долгих препирательств. Он прорвался на телевидение и дал объявления во все московские газеты, пообещав награду тому, кто предоставит информацию о местонахождении...

Он не сделал ровным счетом ничего. Егор судил по результату – Томочку с Юлькой искали, но...

Мобильный в кармане возмущенно запищал.

– Да. – Где-то в глубине души Егор надеялся, что звонит Юлька. Или Тома. Она скажет, что передумала и хочет вернуться домой.

– Егор Мстиславович... – К сожалению, это была всего-навсего секретарша. – Вам по поводу объявления звонили... Просили перезвонить. Сказали, это срочно и...

– Телефон!

– Что? – не поняла Аллочка.

– Телефон давай, дура!

Секретарша продиктовала номер, ее обида чувствовалась даже на расстоянии. Ну и плевать. На всех плевать.

А его звонка ждали, вместо «алло» незнакомый мужской голос спросил:

– Альдов Егор Мстиславович? У меня имеется информация относительно вашей дочери...

– Сколько вы хотите? – Егор был готов, что «доброжелатель» запросит сумму, в два-три раза превышающую объявленное вознаграждение. Егор заплатит, только бы этот аноним действительно сообщил нечто стоящее. Но вместо конкретной суммы тот спросил:

– А сколько вы готовы заплатить? Молчите... Ну, что же вы, Егор Мстиславович, за такую нужную информацию всего-то десять тысяч пообещали, рублей, заметьте, не долларов. А вы знаете, сколько стоит девочка вроде вашей дочери? Несколько десятков тысяч. Долларов. Спрос большой, а внешность у нее подходящая...

– Ты! Слушай сюда, сукин сын! Да я тебя...

– Начнем с того, что вы меня не найдете, это я обещаю, также могу пообещать, что в случае, если мы с вами не достигнем взаимопонимания, вы не найдете и женщин. Впрочем, думаю, судьба супруги вас не сильно беспокоит, а вот дочь у вас одна. Не хотелось бы, чтобы с ней произошло что-нибудь нехорошее, правда? – Самое страшное, что незнакомец не издевался – он просто говорил то, что думал. Спокойно, безэмоционально, точно искусственный голос, сообщающий, что на счету осталось...

Ничего не осталось. Ничего, кроме денег.

– Что вы хотите? Точнее, сколько? – Егор уже понял – сопротивляться бесполезно, более того, он боялся, что этот голос, этот тип вдруг исчезнет, например, решит, что взять с Егора нечего, или обидится, и тогда... Тогда отыскать Юльку будет невозможно.

– Давайте встретимся, – предложил доброжелатель. – Но предупреждаю, никаких шуток, ни милиции, ни охраны, ни вольных стрелков. Единственное, чего вы добьетесь таким образом – получите мою голову, а вот дочь потеряете навсегда. Я понятно объясняю?

– Да.

– Тогда завтра в два часа...

– Где?

– В два часа я перезвоню.

Он отключился. Этот подонок, урод, шантажист отключился! Он сказал «перезвоню» и бросил Егора наедине с его болью.

Ведьма Июль

– Нет праведного ни одного; нет понимающего; никто не ищет Бога!¹ – Голос Андрея взметнулся к дырявой крыше, испуганные голуби наполнили воздух хлопанием крыльев. Белое перышко опустилось прямо на мою ладонь, будто подарок Оттуда.

Сегодня прохладно, почти по-осеннему, хотя на дворе июль, я, оказывается, пропустила половину лета. Голуби под крышей успокоились, заворковали, точно желая примирить нас со старым храмом.

Андрей появился на следующий день после той встречи, я не хотела впускать его, но Андрей терзал звонок до тех пор, пока я не открыла.

– Не оставлю вас сиротами; приду к вам², – вот что он сказал тогда, и я поверила. Посланцу Бога нельзя не верить.

Внешне Андрей был обычным человеком – полноватый, рыхловатый, лысеющий мужчина, но разве внешность имеет значение в мире, наполненном лживой красотой?

– Почему ты возишься со мной? – Этот вопрос мучил меня с самого начала, а Андрей упорно отказывался отвечать на него, прячась за решеткой из библейских цитат, но сегодня он улыбнулся и произнес:

– Я забочусь прежде всего о себе.

– Это как?

– Добро эгоистично, – заметил он, – любой человек, творящий добро, прежде всего ждет выгоды для себя.

– И какая у тебя выгода?

– Ну... Допустим, если я помогу тебе, Господь поможет мне. Не сейчас... Потом, после смерти...

Серая равнина навевала мысли о вечности, смерти и пекле, в которое попадают души грешников, чтобы вечно скитаться, не находя на мертвой земле ни приюта, ни покоя. Болота... Знаменитые Урганские топи... Бескрайние, поросшие седой осокой, мхом да большим невысоким камышом. Холодно, дождливо и мерзко, как и положено в ноябре. Зелень либо иссохла, либо сгнила, чахлые деревца дрожат, цепляясь корнями за раскисшую землю, а блеклое небо нехотя смотрится в редкие лужицы грязной воды. Нет, пейзаж определенно пришелся Федору не по вкусу. Он даже подумывал насчет пути обратно. Казалось бы, чего проще – развернул коня, приказал нанятому в проводники мужичонке доставить барина в город, и уже к вечеру на станции окажешься. А там или верхом, или бричку взять можно... Разум настаивал на возвращении в столицу, где все знакомо и понятно, где жизнь и люди, салоны и балы, пари и игра в карты... Мысль о картах окончательно испортила настроение молодому графу. Это ж надо было так проиграться! Николаше Харьнину никак сам черт ворожил, и Федор, сколько ни силился переманить упорное везение давнего друга и давнего соперника к себе, только боле в долги влезал. Ему б остановиться, одуматься, но игра, азарт, шампанское и ревность перекрыли пути к отступлению. Мысль о том, что завтра Николаша не упустит случая похвастать выигрышем перед очаровательной Елизаветой Петровной, будоражила воображение.

– Долго еще? – Злость и обида вспыхнули с новой силой. В результате той проклятой игры Николаша остался в Петербурге, а ему, Федору, придется влачить жалкое существование на болотах. Несправедлив мир!

¹ Новый Завет. Послание к Римлянам, 3.

² Новый Завет. Святое благовествование от Иоанна, 14.

– Не, ваш сиясьва, – залопотал мужик, стягивая шапку с головы, – недалече ужо.

Абориген, чего с него взять. «Ваш сиясьва» – это, надо думать, «ваши сиятельство». Федор брезгливо поморщился, проводник казался ему живым воплощением болота – такой же серый, неухоженный, дремучий и счастливый в своей дремучести. А еще воняет, точно год не мылся. И Федору, последнему представителю древнего и славного рода Луковских, предстоит доживать свой век в окружении подобных существ?! А все Николаша с его картами да глупыми шуточками, что Амур удачливых любит, а Федор, выходит, неудачлив.

Ох и жалел же он потом о бесшабашной своей веселости, когда кредиторы объявились и пришлось выбирать между смертью и полным разорением. Тогда Федор всерьез о смерти подумывал, даже пистолет отцовский к виску приставлял, но убоился. Жить захотелось немилосердно, вот и пришлось продать все, что на продажу годилось, одно это поместье, матушкиной теткой завещанное, осталось, да и то потому, что деньги за него совсем уж смешные предлагали.

Пригодилось старухино наследство. Чтобы в столице жить, деньги надобны, а если ты беден, то никому, невзирая на бывлые заслуги, не нужен. Федор первое время удивлялся, отчего ж все про него забыли, а как получил письмо от любезной Елизаветы Петровны, враз все на свои места встало.

Ох, Лизонька, ангел белокурый, Юнона, благородная Диана-охотница, ожившая мечта, которой Федор посвящал стихи, и даже о женитьбе подумывал... В письме своем в выражениях изысканно-вежливых, подобающих воспитанной девице, Елизавета Петровна просила боле не докучать ей вниманием.

Конь сочувственно всхрапнул, и Федор похлопал благородное животное по шее. Нерон да угодь на болотах – вот и все его состояние, и то Нерона Николаша «подарил» перед отъездом.

От мрачных мыслей графа отвлекло черное пятно, выплывшее из тумана. По мере приближения пятно росло, ширилось, пока не превратилось в темную лохматую стену леса.

– Что это, милейший? – Федор не знал, как следует обращаться к крестьянам, которые так отличались от привычной городской прислуги. Мужик вздрогнул и потянулся за шапкой – ох уж эти провинциальные привычки.

– Отвечай!

– Ведьмин лес! – Проводник согнулся в поклоне и едва не свалился с лошади. Коняшка у него была не чета Нерону – низенькая, грязная, с провисшей спиной и выпирающими ребрами, но шустрая. И болот не боялась, привыкла, видать.

– Сам вижу, что лес.

– Нехорошее место, ваш сиясьва! Ведьмино, как есть ведьмино! – Мужик перекрестился и веско добавил: – Гиблое!

Федор посмотрел на лес с интересом. Они подъехали достаточно близко, и черная стена распалась на сотни угрюмых высоченных елей с тяжелыми темно-зелеными лапами и хрупкими, утопающими в низких облаках верхушками. По спине пробежал холодок, от леса явственно тянуло злом, злом древним, сильным и знающим свою силу. Пожалуй, если ведьмы существуют, то данный лес – их вотчина. Нерон заржал, нервно, тоненько, испуганно, словно стригунок, впервые почувший запах волка. Что это с ним? Федор на всякий случай подобрал поводья.

– Гиблое место! – настойчиво повторил мужик. – Ехать надобно, а то к темноте не поспеем.

Федор прищипорил Нерона и, только когда лес остался позади, вздохнул с облегчением. Действительно, гиблое место.

– А зверье там водится?

– Волки только, прям напасть, летом воют так, что скотина со страху дохнет, а случается, из лесу выходят и под самые хаты. Той зимой троих насмерть заели!

Что ж, по крайней мере, одно развлечение ему обеспечено.

– А травили волков?

– Так каждый год и стреляем, и ямы роем, да только без толку все.

– Это почему же?

– Вожак у них, ваш сиясьва, заговоренный. Волколак! По ночам он зверем лютым, до крови людской охочим, рыщет, а как запоют петухи, так он шкуру свою сбрасывает и человеком оборачивается.

– Любопытно. – Против ожидания история, рассказанная проводником, не напугала, а развеселила. Это ж надо было такое придумать – оборотень, человек-волк, только дремучая, увязшая в глупых поверьях чернь способна верить в подобные сказки. И Федор хорош, лес ему странным показался, зло привиделось, и он еще считает себя образованным человеком. Решено, по первому же снегу Федор на волков облаву устроит. Мужик, по-своему расценив молчание барина, продолжил:

– Страшен волколак. Ростом с корову, и шерсть у него черная, точно сажа печная, глаза огнем горят, а во рту зубы в три ряда посажены. И не берут его ни нож, ни пуля, потому как зачарованный он, ведьминным словом защищенный ото всякой напасти.

– И чем же его убить?

Мужик почесал седую клочковатую бороду и важно промолвил:

– Надобно пули из серебра, в церкви освященного, отлить, да отчитать над нею «Отче наш» трижды по три раза.

– Чушь какая! – пробормотал Федор.

Внезапно, словно специально, чтобы разрушить хрупкое душевное равновесие заезжего аристократа, по-над равниной прокатился тоскливый вой. Серая шкура болота, заслышав его, вздрогнула и отозвалась низким утробным рыком, земля затряслась, а вместе с ней затряслись и деревца, и мертвый камыш, и люди. Вой нарастал, подобно катящемуся с горы снежному шару. Плач, словно проклятье, выворачивал душу наизнанку, и Федору вдруг показалось, что еще немного, и шар накроет их с головой, раздавит, точно докучливую мошкарку, и не спрячешься, не убежишь, не улетишь... Луковский не сразу воспринял наступившую тишину. А сообразив, что непонятный и неприятный звук исчез, едва не расплакался от облегчения.

– Что это было?

Мужичок, нервно озираясь по сторонам, прошептал:

– Ведьмин рог. Зовет его...

– Кого?

– Волколака. Всякий раз, как ведьма в свой рог подует, болото трясется, а стая на охоту выходит. Спешить надобно, пока не стемнело.

– Ну так показывай дорогу! – заорал Федор, проклиная и ведьму, и оборотня, и не в меру говорливого крестьянина, и Николашу с картами, и свой собственный глубинный страх, который заставляет нестись вперед по узкой тропе, прижимаясь к мокрой от пота и пены лошадиной шее.

До темноты. Откуда-то Луковский знал, что добраться до поместья нужно до наступления темноты, иначе...

Успели.

За высокой, в два человеческих роста, оградой Федор позволил себе перевести дух и оглядеться. Небо догорало закатом, туман, поднявшийся с болота, казался неестественно белым и липким, он вползал во двор вместе с темнотой и вонью.

Определенно, жить здесь невозможно. Дом возвышался мрачной каменной горой, холодной и неудобной, как ноябрь, как сами Урганские топи...

– Приехали, стало быть.

Федор обернулся. Глупо, должно быть, он выглядит, стоит посереде двора, точно провинциал на Петербургском вокзале.

– Давайте знакомиться, я Алексей, а вы, должно быть, Федор Андреевич Луковский, наш долгожданный наследник. Долго же вы к нам добирались.

Из-за тумана и темноты Алексей представлялся некой смутной фигурой.

– Что, недосуг было?

– Недосуг, – сознался Федор.

– Ну, что ж вы посреди двора стоите, – хохотнул Алексей, – точно не у себя дома. Проходите уж, коли приехали.

Ага, знать бы куда идти.

– Прошу. – Фигура махнула рукой в туман. – А мы уж, честно говоря, и не думали. К нам если кто и приезжает, то рано, чтобы до темноты успеть, сами понимаете, кому охота кормом для волков становиться.

– Так все серьезно? – Федор пробирался сквозь туман, который густел прямо на глазах.

– Куда уж боле, сами небось слышали...

– Ведьмин рог?

– Он самый. Препоганая, я вам скажу, штука. Завтра всенепременно жаловаться придут.

– На кого?

– На волков.

Туман вдруг разошелся, и Федор едва не упал, зацепившись ногой за ступеньку.

– Осторожно! – последовало запоздалое предупреждение. – У кого овец порежут, у кого корову, а бывало, что и человека...

Ступеньки в количестве пяти штук привели к двери, которую Алексей любезно распахнул перед новым хозяином. Похоже, о дворецких в этой глуши и не слышали.

– Прошу.

Дом встретил Федора теплом и блаженным полумраком. Свечей в зале было немного, похоже, нынешние обитатели пытались экономить. Похвальное стремление, особенно с учетом того, что у самого Федора за душой ни копейки.

– Нравится? – поинтересовался Алексей, Федор лишь пожал плечами. Прежде чем судить, следовало осмотреть весь дом. Здесь же сразу бросалась в глаза старая мебель, грубая, тяжелая, украшенная нелепой резьбой, и темный, не то от недостатка света, не то от времени и грязи, пол.

– Здесь, конечно, не столица... – Алексей рассматривал нового хозяина с неприкрытым интересом. Такая откровенная наглость поставила Федора в тупик, этот тип либо не слышал о правилах хорошего тона, либо намеренно их игнорировал. Хотя, вероятно, здесь подобная манера поведения является нормой. Вообще, донельзя странная личность. Высокий, худой, но широкий в плечах, лицо костистое, с выпирающими треугольными скулами и глубоко запавшими глазами непонятного цвета.

– Ну, как, довольны? Матушка называет меня варваром. – Алексей усмехнулся, демонстрируя неровные, неестественно белые зубы.

– Никогда прежде не доводилось бывать на болотах. – Федор и сам не понял, извинялся он или оправдывался, но Алексей понимающе кивнул и заверил:

– Привыкнете со временем. Сначала хочется сбежать отсюда куда глаза глядят, лишь бы подальше, лишь бы не видеть, а потом... Куда бы ты ни поехал, где бы ни жил, а тянет вернуться. Топи умеют привязывать к себе. Поэтому мой вам совет, Федор Андреевич, поезжайте к себе, в столицы...

– *Иначе что?* – Луковский начал злиться, не для того он тащился в эту глушь, чтобы на следующий же день сбежать отсюда, поджав хвост. Он хозяин, и он не позволит собой командовать.

– *Ничего.* – Алексей перестал улыбаться. – *Позвольте проводить вас в залу, там небось уже все собрались. Кстати, вы к нам налегке или багаж позже прибудет?*

– *Завтра.*

– *Понятно. Нам сюда.*

– *А наверху что?*

Лестница с узкими, утопающими во мраке ступенями казалась бесконечной.

– *Ваши покои, матушкины, Ядвиги и Элге. Слуги – еще выше, правда, их всего трое, но нам хватает. Часть комнат закрыта, в гости к нам особо не стремятся.* – Алексей споро шагал по узкому темному коридору, и Федору, чтобы поспеть за ним, пришлось почти бежать. Нет, определенно, этот варвар ему не нравился.

– *Сюда.*

Луковский почти влетел в залу, получилось смешно и некрасиво, а чертов дикарь даже не позволил дух перевести.

– *Матушка, сестры, позвольте представить, Луковский Федор Андреевич. Федор Андреевич, это моя любимая матушка, Эльжбета Францевна.* – Седовласая дама в желтом, уже давно вышедшем из моды наряде дружелюбно улыбнулась, протягивая Федору руку. Руку Федор поцеловал, пускай видят, что он, несмотря на недавнее недоразумение, человек цивилизованный.

– *Это Ядвига и Элге.*

Девушки присели в реверансе, а Федор почувствовал себя полным идиотом. Приехал поздно и явился знакомиться, не потрудившись сменить костюм, от него, должно быть, воняет болотной сыростью и конским потом... Затянувшееся молчание делало ситуацию еще более неловкой. Следовало бы откланяться и, извинившись за доставленные неудобства, проследовать в свои покои, но беда в том, что Федор совершенно не представлял, где они.

– *Рады видеть вас.* – Голос у Эльжбеты Францевны оказался мягким и приятным.

– *О, мы и надеяться не смели, что вы все-таки при-едете!* – подхватила светловолосая девица в голубом наряде. Ядвига или Элге? Какие странные имена. А она хороша, очаровательно наивна, словно полевой цветок, у второй же волосы черны, точно Неронова шкура, и кожа смугла, как у цыганки. Совершенно на сестру не похожа. Так кто из них Ядвига, а кто Элге?

– *Вы, должно быть, устали с дороги? Удивительно, как вы вообще решились ехать через топи в столь поздний час.* – Эльжбета Францевна укоризненно покачала головой, точно сожалела о неразумном поведении нового хозяина дома. – *Элге, девочка моя, вели подавать ужин.*

Черноволосая поспешно выскользнула из комнаты, значит, она и есть Элге. А имя ей подходит, чувствуется в нем нечто злое, темное.

– *Мы, как получили ваше письмо, обрадовались!* – защебетала Ядвига. – *Но Алексей сказал, что сегодня вы уже точно не приедете, потому как поздно и Ведьмин рог трубил, а вы все-таки приехали. Вы такой храбрый?*

Скорее глупый, подумал Федор, но разочаровывать золотоволосую прелестницу не стал, лишь извинился за то, что не имеет возможности переодеться в костюм, более подходящий к ужину в столь изысканной компании. Багаж прибудет только завтра, а сегодня, увы...

Дамы объяснения приняли, а Алексей лишь презрительно фыркнул. Дикарь и невежда.

ОХОТНИК Ноябрь

Шантажист перезвонил, когда Егор почти потерял надежду. Он пытался набирать номер, записанный Аллочкой, но механический голос вежливо сообщал, что «аппарат абонента выключен». Служба охраны выяснила, что телефон зарегистрирован на старуху, которая и имени своего не помнит, не то что человека, воспользовавшегося ее паспортом. Егор с самого начала подозревал, что искать шантажиста по номеру телефона бесполезно, он даже испугался, что тип, узнав о попытках Альдова, разозлится и не перезвонит. Но тот был жаден и самоуверен и назначил встречу.

Сегодня.

В восемь часов вечера. По адресу улица Цветочная, дом сорок семь, квартира двадцать три. Егор прибыл на указанное место на полчаса раньше, прибыл без охраны, милиции и «вольных стрелков» – он не мог позволить себе рисковать здоровьем дочери. Взял с собой только пистолет, да и то скорее для уверенности. Потом, когда Юленька окажется дома, Альдов подумает, как рассчитаться с похитителями.

На улице Цветочной цветы не росли, зато тянулись к небу серые скалы домов с мутными, точно глаза алкоголика, окнами и щербатыми ступенями. Двадцать третья квартира находилась на третьем этаже. Удивительно, но в подъезде было почти чисто, окурки и сплюснутая в лепешку банка не в счет. Егор минут пять топтался перед дверью. Странно, ехал сюда с мыслью ворваться и вытрясти душу из подонка, посмеявшегося угрожать его дочери, а приехал, и запал ярости куда-то исчез. Зато появился страх – а вдруг обманут? Ладно, деньги, деньги – пустяк, он еще заработает, но Юленька...

Звонок разразился соловьиной трелью, и дверь открылась. Его ждали, несмотря на то, что Альдов приехал раньше, его все равно ждали.

– Егор Мстиславович?

– Я. – Егор с удивлением рассматривал хозяина квартиры, тот не внушал опасений, скорее наоборот, человечек выглядел почти забавно – мелковатый, жирноватый, с блеклыми волосами и ранней лысиной.

– А я Андрей. – Мужичок посторонился. – Вы заходите, не стесняйтесь, только разуйтесь, пожалуйста.

Егор разулся, а заодно и огляделся. Интересная квартира, глаза говорят одно, а инстинкты другое. Чистый ковер, косметика перед зеркалом, женская туфелька, забытая под табуретом, рукав куртки, придавленный дверцей шкафа, – словно молчаливые свидетели жизни, этакий своеобразный след хозяйки, которая отлучилась по некоей своей, чисто женской надобности, но обязательно вернется. И вместе с тем пахло запустением. Егор сам не мог понять, откуда возникло устойчивое чувство заброшенности, он просто понял, что неизвестная женщина уехала надолго. Возможно, она вообще не знает ни про Егора, ни про Юльку, ни про толстого мужика, угрожавшего Альдову окончательной потерей дочери.

– Ну, Егор Мстиславович, что вы там застряли. Небось высматриваете, вынюхиваете... Бесполезно. Смею вас заверить, совершенно бесполезно. Данное помещение ровным счетом не имеет никакого отношения к вашей дочери. Дубленочку, кстати, тоже снимите. Надеюсь, у вас хватило ума не тащить с собой оружие? Я проверю! – предупредил Андрей, демонстрируя портативный металлоискатель. Егор пожал плечами. Пускай толстяк делает что хочет – проверяет, перепроверяет, обыскивает, лишь бы Юльку вернул. Пистолет, захваченный просто на всякий случай, Альдов сам положил на стол в прихожей. Андрей довольно кивнул.

– Ну, теперь и поговорить можно. Приятно иметь дело с умным человеком. Итак, Егор Мстиславович, вы думали над моим вопросом?

– Каким? – Альдова не отпускало ощущение нереальности происходящего. Это из-за комнаты, решил он, если в коридоре еще теплились следы чужой жизни, то комната была давно и непоправимо мертва. Здесь все было не так: сухие цветы в ярких горшочках, плотные шторы – молчаливые стражи сумрака, медвежонок, одинокий и потерянный, мужская рубашка на спинке кресла... И Андрей, с задумчивым видом грызущий сигарету. Бросает курить, решил Егор. Он тоже когда-то так пытался – держать во рту, но не зажигать.

– Да вы садитесь. – Толстяк широким жестом обвел комнату. – Итак, что вы надумали?

– Я дам столько, сколько скажете.

– А если я попрошу все?

– Как все? – Альдов сперва решил, что этот урод шутит, но тот спрашивал совершенно серьезно.

– Все – это значит все. Квартира, точнее, квартиры, дача, авто, фирма.

– Зачем вам все?

– А зачем вам дочь?

– А как же я... – К такому повороту Егор был не готов.

Андрей усмехнулся.

– Ну, в принципе, вы можете встать и уйти. Я не стану вас задерживать и в чем-то убеждать, вы – здоровый молодой мужчина, заведете себе других детей... А фирма – она ведь одна, родная, единственная, кровью и потом построенная...

Этот ублюдок читал мысли, он вторил мерзкому голосу, который уговаривал Альдова не спешить. Не нужно отдавать все, нужно схватить подонка за горло и вытрясти информацию. Это же просто. И бесплатно. И избавит от необходимости выбирать. Зачем выбирать, когда можно получить все?

– Ну, так как, Егор Мстиславович? Мне передать Юле, что фирма для вас дороже дочери?

– Я согласен. – Не дороже. Ничто не может быть важнее Юленьки, и, если нужно отдать все, он отдаст. Андрей кое в чем прав – Альдов в самом деле молодой и сильный, он создаст другую фирму. И купит другую квартиру. Ему будет за кого сражаться. – Вы подготовили бумаги? Думаю, подготовили. Давайте. Я подпишу.

– Бумаги, бумаги, бумаги... Вы только и думаете что о бумагах. Впрочем, не стану врать, ибо ложь – это грех, я действительно их подготовил... Вижу, у вас вопрос имеется?

– Вы не боитесь, что я вас потом найду?

Андрей перестал улыбаться и сразу растерял половину фальшивой доброты.

– Я? Нет, не боюсь. Все в руках Божьих. Кроме того, господин Альдов, вам, чтобы отыскать нас, придется приложить немало усилий, а вот нам, чтобы найти вас... – он выразительно замолчал. Понятно. Намекает, что если Егор начнет копать, то Юлька исчезнет во второй раз и навсегда.

– Я понял.

– Великолепно! Я уже говорил, что приятно иметь дело с разумным человеком? Говорил. Ну, повторюсь, невелика беда. Вот бумаги – можете убедиться, все оформлено по закону, не хватает сущего пустяка – вашей подписи.

Альдов бумаги прочел просто по привычке – он всегда читал документы, прежде чем их подписывать. Действительно, все в полном порядке, законно и красиво: один росчерк пера – и ООО «Агидель» переходит в собственность ОАО «Корсунь-инвест», еще один – и благотворительное общество «Роза милосердия» получает в дар трехкомнатную квартиру в Санкт-Петербурге, двухкомнатную в Екатеринбурге и пятикомнатную в Москве. Они действительно хотели все.

– Что ж вы, Егор Мстиславович, никак передумали?

– Нет. – Альдов подписал бумаги той самой ручкой, которой подписал и самый первый серьезный контракт. Десять лет прошло. Или одиннадцать, а он все таскает ее с собой. Подумав, Егор положил ручку на бумаги – пускай действительно будет все.

Ведьма Сентябрь

– Город – суть вместилище пороков. – Андрей смотрел в окно.

Я знала, что там, за грязным стеклом, живет своей собственной жизнью город, шумный, своевольный и жестокий, похожий на стареющую куртизанку, которая с помощью белил, румян и искусственного полумрака пытается обмануть время.

Теперь мы встречались у меня. Андрей, надо отдать ему должное, словно не замечал, что с квартирой что-то не так. Он вытаскивал меня из могилы потихоньку, день за днем, час за часом, он говорил о Боге, о людях, о грехах и Царстве Покоя, где меня ждут. Постепенно я не только привыкла к его постоянному присутствию, но уже и не могла обходиться без этих бесед.

– Даже донныне терпим голод, и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками³. Придет время, и каждому из нас Господь задаст один-единственный вопрос: «А что ты сделал, чтобы заслужить Царствие мое?» Вот, Анастасия, что ты сделала, дабы заслужить милость небес?

Молчу.

– Сейчас ты думаешь, что Господь не сделал ничего такого, за что ты должна быть ему благодарна. Я прав?

Конечно, он прав. Каким-то непостижимым образом Андрей читал мои мысли. Значит, я должна любить Бога, а Он, извечный и всемогущий, разве Он меня любит?

– Подобные вопросы – начало пути к Дьяволу. Бог любит тебя. Меня. Каждого из нас. Любит уже потому, что ты появилась на этом свете, жила, радовалась. Разве за всю свою жизнь не было такого момента, когда тебе хотелось кричать и плакать от переполнявшего душу счастья? Разве эти минуты не суть доказательство любви Божьей?

– Но почему тогда... – Я прижала к себе Валюшкиного медвежонка, точно возвела плюшевую стену между собой и Андреем.

– Ради тебя, – ответил он.

– Мне больно.

– Боль очищает. Вспомни, как ты жила, в темноте, грехе и грязи, твоя душа умирала, и у Господа не было иного пути помочь тебе. Сейчас ты страдаешь, но слово Его уже отыскало путь к твоему сердцу, а значит, есть надежда, что после смерти ты вернешься к Нему. Вечное счастье стоит нескольких мгновений боли. Ибо сказано: если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный⁴! Горе твое подобно пламени очистительному... Есть ли у тебя еще родственники?

– Нет.

– Ни родителей, ни сестер, ни братьев?

– Нет.

– А у мужа твоего?

– Есть. Кажется. Где-то за границей. В Израиле. Он рассорился со своей семьей, когда отказался переезжать. Они даже на свадьбу не прилетели... А зачем ты о родственниках спрашиваешь?

³ Новый Завет. Первое послание к коринфянам, 4—11,12.

⁴ Новый Завет. Святое благовествование от Матфея, 18—8.

– Просто удивляюсь, что не нашлось человека, способного поддержать тебя в горе твоём. Теперь понятно. Иудеи... Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен вовеки⁵... Значит, муж твой иудеем был?

Я кивнула, не в силах отвести взгляд от Андрея, чей гнев обрушился на меня, подобно урагану, что родился внезапно, внезапно ударил и столь же внезапно умер.

– Великий грех на тебе, Анастасья, – произнес мой спаситель, – нелегко будет заслужить прощение, кровь проклятая текла в жилах ребенка твоего, ибо для иудеев закрыто Царствие Божие. Ад – вот воздаяние за грехи прадедов, что в неверии своем распяли Сына Божьего.

– И что мне делать? – В тот момент я почти физически ощутила, как Небо отвергает душу моей Валеньки только потому, что Толик... Что я...

– Молиться. Душой и телом служить Господу – в этом твое спасение, в этом и предназначение – жизнью праведной заслужить спасение для дочери.

– Ты поможешь?

– Обязательно. – Андрей по-отечески обнял меня. – Мы все тебе поможем!

⁵ Новый Завет. Послание к римлянам, 1—25.

ОХОТНИК Ноябрь

– Эй, мужик, просыпайся! Слышишь? – В бок ткнулось что-то твердое, Егор попытался отмахнуться, но не сумел поднять руку.

– Во нализался, – раздраженно пробормотал тот же голос. – Ну че, Колян, вызывай, не оставляй же его здесь. Нажрутса, скоты, а нам потом возись с ними...

Альдов хотел сказать, что с ним возиться не нужно, что его нужно оставить в покое, что голос может спокойно идти по своим делам, а Егор еще полежит немного и тоже пойдет. Куда? Он не помнил, но ему обязательно нужно было куда-то идти. Обязательно.

– А с виду приличный, – продолжал распрямляться голос, – вона какая дубленка дорогая. И ботинки тоже. Эй, просыпайся! Лежит тут, а жена, наверное, с ума сходит, вот моя Юлька, если задерживаюсь...

Егор очнулся. Мгновенно. В голове щелкнул невидимый переключатель, и память услужливо предоставила необходимую информацию.

Юлька. Ему обязательно нужно забрать Юльку, а он лежит. Альдов попытался сесть, но тело отказывалось подчиняться, мышцы сводило судорогой. Он застонал.

– Ишь, Колян, кажись, очнулся. Ну, что, папаша, с добрым утречком, счаз и карета подъедет...

– Какая карета? – хотел спросить Егор, но получился какой-то клекот. Склеенные губы не пропускали слова. Усилием воли Альдов разлепил глаза, но легче не стало, мир вокруг разбился на десятки цветных пятен, которые упорно не желали складываться в сколь бы то ни было удовлетворительную картину.

– Эй, мужик, ты меня слышишь? Ты чего пил-то?

Ничего. Егор мог поклясться, что он ничего не пил. НИЧЕГО.

Он не имел права пить сегодня. Сегодня? Вчера? Завтра? Когда?

Альдов потерялся во времени. Он отчетливо помнил, как Андрей аккуратно сложил бумаги в синюю бумажную папку.

– Итак, Егор Мстиславович, поздравляю, вы сумели остаться человеком.

– Где Юля? – Теперь, лишившись всего, Альдов чувствовал себя... Беспомощным, точно глупая улитка, потерявшая раковину-дом. Все дома сразу.

– Нужно съездить в одно место. Недалеко.

Они вышли из квартиры, и Андрей долго возился с замками, кажется, Егор предложил свою помощь – ему не терпелось увидеть дочь. Он наклонился и... Укол. Ему показалось, будто его укусил комар, но откуда в ноябре комары?

В ноябре нет комаров, значит...

Его обманули! Обвели вокруг пальца, как щенка!

– Милиция... – выдавил Альдов. – Мне нужно в милицию...

– Ща! – заржал голос. – Машина прямиком в отделение доставит. Это я тебе гарантирую!

Ведьма Сентябрь

Андрей поселился в моей квартире. А еще у меня появилась цель. Я должна жить и исправить ошибки прошлого, спасти Валюшу. Мое дитя страдает в аду – я была беспечна и самолюбива, я даже не крестила дочь, отобрав у нее Рай. Я во всем слушалась мужа... Нет, не мужа, человека, с которым я жила во грехе, ведь мы не венчались.

Теперь к разговорам добавились молитвы, долгие часы стояния на коленях... Сначала я плакала, когда тело, разламываясь от боли, требовало сменить позу, но мой наставник показывал фотографию дочери, и слезы высыхали. Боль – это очищение.

А в сентябре Андрей предложил уехать.

– Есть одна обитель... – сказал он. – Даже не обитель, а так, поселение истинно верующих людей, которые, отринув блага мирские, ищут путь к спасению.

– И я могу?

– Можешь, только, Анастасья... если, конечно, достанет в тебе решимости и веры.

– Хватит.

– И я верю, – он ласково коснулся щеки. – Вступая в обитель, ты должна отказаться от нажитого в жизни предыдущей. Готова ли ты на такой шаг? – В глазах Андрея плескалось... нечто. Ожидание? Сомнение? Жадность? Нет, мое странное чувство протеста – происки Дьявола. Я не поддамся. Я буду сильной и сумею...

– Я согласна.

Мне показалось, будто Андрей вздохнул с облегчением. Нет, конечно, показалось!

ОХОТНИК Ноябрь

– Егор Мстиславович, успокойтесь! Раньше думать надо было! – седовласый капитан стукнул кулаком по столу. Он тоже нервничал, хотя, в отличие от Альдова, пытался держать себя в руках. А Егор не мог. Не мог успокоиться и поверить, что его кинули, как лоха. О пропавшем «ПМ» он даже и не вспомнил – ни сейчас, ни много дней спустя.

– Или вы сядете, или я закрою вас на пятнадцать суток.

– За что? – Угроза подействовала. Еще живы были воспоминания об обезьяннике, куда Альдова засунул патруль, повторять эксперимент не хотелось.

– За хулиганство. Вы мне стул сломали, а мебель, между прочим, казенная.

– Я куплю... – начал было Егор и замолчал на полуслове. Купит. Как же он купит, если в кармане пусто. Он и буханку хлеба купить не в состоянии, не то что стул. Бомж. Странно было думать о себе как о человеке без крыши над головой.

– Что касается финансовых дел... Полагаю, у вас есть неплохие шансы отсудить квартиру, сделка была совершена под давлением, так что нанимайте адвоката и вперед.

– А Юля?

– Юлия... Не хочу вас обманывать, но... Шансов найти девочку почти нет.

– Почему?!

– Не кричите, пожалуйста, – попросил капитан. – Вы просто не представляете себе размеров проблемы... Вы ведь даже не способны вспомнить название общества, в котором состояла ваша супруга.

– Церковь...

– Какая церковь? Знаете, сколько их? Да каждая или почти каждая секта себя к церкви причисляет. Может, записи остались? Книжки какие-нибудь? Может, ваша супруга упоминала о каких-либо «святых местах»? Говорила, что собирается уехать в «общину»?

– Нет. – Не упоминала, не оставляла, не говорила... В последние месяцы они с Томочкой вообще не разговаривали, потому как любое самое безобидное замечание приводило к ссоре.

– Значит, никаких зацепок... а девочка ваша, скорее всего, в какой-нибудь общине, которая с одинаковым успехом может быть и на Урале, и в десяти километрах от Москвы. Это я образно говорю. Россия велика, и деревень заброшенных хватает – живи не хочу.

– А учет... Регистрация...

– Какая регистрация, Егор Мстиславович, кому надо их регистрировать? Приезжают в деревню молодые ребята, восстанавливают пару домов и живут – вот вам и община. А то и новые поселения возводят. Но со старыми проще, там и дома есть, и коровники – только работай.

– Но зачем?

– Бизнес. У вас, например, фирму отобрали. А есть те, кто добровольно отписывает свое имущество в пользу общины, это одно. Ну, и взрослый здоровый человек, работающий бесплатно, «за идею», – хорошее приобретение. Это два. Хозяйство подымается, доход приносит. Просто, как все гениальное. Ну, есть еще побочный доход...

– Какой? – Не то чтобы Егору хотелось знать, чем именно промышляют сектанты, но он должен иметь хотя бы приблизительное представление, куда попала его дочь.

– Работа в городе – уборщицы, грузчики, дворники, ничего серьезного или ответственного, чтобы, не дай бог, не привлечь внимания. Милостыню просят опять же. Проституция...

– Что?

– То, что слышали, – капитан вздохнул. – Не хотелось бы вас пугать, но явление не такое уж и редкое. Во многих сектах сексуальная свобода является неотъемлемой частью учения. Тяжелее всего приходится детям...

– И Юля?

– Не знаю.

– И что мне делать?

– Для начала я бы посоветовал вам решить финансовые дела – девочку вам в любом случае не вернут, поэтому не вижу смысла отдавать еще и бизнес. Второе – найдите знакомых жены. Перетряхните вещи, и ее, и дочери, возможно, повезет, и узнаете что-нибудь полезное. Ничего не выбрасывайте – любые бумажки, имена, даты, названия – все пригодится. Наши ребята, конечно, посмотрят, но вы лучше знаете привычки вашей жены... И последнее. Егор Мстиславович, если вам станет что-то известно, не пытайтесь больше действовать самостоятельно. Эти люди – опасны. Сегодня они вам укол сделали, а завтра пулю в лоб пустят. А вместе с вами и девочку уберут, просто на всякий случай, чтобы вопросов не возникло, понятно?

Ищейка Ноябрь

– Нет, ну ты видел, до чего сектанты оборзели! – возмущался Сергеич, Васютка возмущению внимал и старшему не перечил, за что Сергеич Васютку уважал. Впрочем, уважал – это сильно сказано, Сергеич просто снисходил до общения с новичком, да и что ему еще оставалось делать, когда других желающих выслушивать длинные Сергеичевы монологи не находилось.

– Представляешь, одного бизнесмена тут развели, как лоха. А мужик-то не мальчик, конкретный, я тебе скажу, мужик, серьезный, а туда же... – Сергеич выцарапал из кармана пачку «Примы». – Будешь?

– Не, спасибо, у меня свои. – Курить Сергеичев горлодер Васютка не собирался.

– Ну, как хошь.

Сизый дым поплыл по кабинету, в горле запершило, и Игорь поспешно достал свои сигареты, впрочем, не особо надеясь перебить «ароматы» «Примы».

– Так что там, с сектантами?

– Да ничего, – махнул рукой Сергеич, – сделали, как пацана. Этот горе-бизнесмен все время своим бизнесом занимался, а жена тем временем со скуки в религию ударилась, где ей мозги и промыли. Мадам, забрав дочку, сбежала, предположительно к сектантам. Ну а те через пару денечков, когда нервишки у мужика добела раскалились, позвонили и, пообещав вернуть девочку, договорились о встрече. Дальше – совсем интересно...

– Побили?

– Да ну, побили... это ж народ образованный, интеллигентный, и схемы у них тонкие. Встретили по высшему разряду, поговорили по душам. По словам потерпевшего, разговор шел один на один, то есть вроде как по-честному, ему выдвинули ультиматум – либо бизнес, либо дочь.

– И согласился?

– А то ж, куда он денется, дочка – она ведь дороже имущества, подписал все бумаги как миленький.

– А просто дать по шее, чтобы собеседник раскололся?

– Говорил, что сначала думал, что этот... переговорщик вроде как только посредником был. Да и тронь парламентаря, так на девочке отыграются. Сам понимаешь, рисковать при таком раскладе не с руки, так что бизнесмен наш послушно подписал все бумаги и собрался домой, ждать девочку.

– Дождался? – в принципе спрашивал Васютка лишь для поддержания беседы.

– Даже не доехал. Сказал, будто потерял сознание в машине, а очнулся на лавке в парке, его там патруль подобрал, думали, пьяный.

– А он?

– Его какой-то дурью накачали, чтобы, значит, не мешал имущество реализовывать, три дня из памяти начисто.

– А девочка?

Сергеич лишь развел руками:

– Будем искать... Ох, чувствую, повесят на меня этого бизнесмена, а на фига? Чего я сделать-то смогу, когда этих сектантов развелось. Нечего было жене попустительствовать, делом надо было занять, чтобы у бабы на дурости всякие времени не оставалось. А то он натворил, а нам, значит, разгребай...

Ведьма Сентябрь

Мы выехали на рассвете. Было тяжело осознавать, что больше я сюда не вернусь. В предрассветный час окна казались грязными и грустными, но Андрей не позволил мне попрощаться, наверное, боялся, что я, в слабости душевной, сверну с выбранного пути. Зря. Я твердо все решила.

Ехали долго. День и еще день – ночевали в машине, было неудобно, холодно и немного страшно, но Андрея такие пустяки не волновали. Прочитав короткую молитву, он заснул, а я лежала, вглядываясь в густую черноту за окном, и пыталась понять, что же, собственно говоря, происходит. Нет, я не сомневалась в правильности выбора, просто безотчетный страх и желание вернуться.

Я ни слова не сказала Андрею о своих сомнениях, а он не стал задавать вопросы, слишком поглощен был дорогой. Андрей остановил машину у высоченного забора, сложенного из толстых неошкуренных древесных стволов, и посигналил. Ворота медленно распахнулись, пропуская автомобиль во двор.

– Стой здесь, я скоро. – Андрей ушел, а я, прижавшись к теплому боку автомобиля, рассматривала свое новое пристанище. Здесь мне обещали покой и возможность замолить грехи. Да, нужно думать о том, что, когда я замолю грехи, душа Валюшки попадет в рай, а не о том, что это место похоже... Я даже не знаю, на что оно похоже. Кособокие деревянные постройки, тянущиеся друг к другу, точно больные деревья в поисках опоры, неестественно зеленая трава, голодная собака, не спускающая с меня настороженных желтых глаз... Слава богу, Андрей вернулся раньше, чем я окончательно передумала здесь оставаться. Он пришел не один.

– Сестра Виктория, – Андрей легонько подтолкнул меня в спину, – знакомьтесь, это – сестра Александра.

Хмурая толстуха, обряженная в строгое коричневое платье, кивнула. Я же не могла оторвать взгляд от черных кругов от пота под мышками, они казались воплощением грязи земной, тогда как я ехала сюда с надеждой оказаться в раю. А эта женщина никоим образом не походила на ангела Божия. У сестры Виктории было красное лицо, черные усики над верхней губой и три подбородка, подпираемые коричневым воротничком.

– Сестра Виктория помогает новеньким влиться в нашу общину. Слушай ее, и все будет хорошо...

Я надолго запомнила его слова, я повторяла эти слова как заклинание и верила в них с той же силой.

– Удачи тебе, сестра-послушница. Да пребудет мир в сердце твоём. – Андрей церемонно поклонился.

– Да пребудет, – пробасила сестра Виктория. – Идем.

Я оглянулась на Андрея – тот ободряюще улыбнулся. Все будет хорошо, отозвалось в сердце. Теперь – я уверена – все будет хорошо. Я заслужила мир.

Я получила мир.

– Ну, – сестра Виктория недовольно засопела, – давай двигайся, а то ишь, еле ноги переставляют.

Бурчание этой женщины показалось мне забавным, она была такой земной... Приземленной, а моя душа жаждала полета...

– Улыбается, улыбается, а чего улыбаться-то? Все вы смеетесь, не ведая, что для грешников геенна огненная пасть свою отворят! Смех – есть зло, след дьявольский, знак, что не чиста душа твоя... Грешна... Грешна ты перед лицом Его! – Сестра Виктория ткнула в меня жирным пальцем. – Кайся! Ибо раскаявшиеся достигнут Царствия Божия!

Смех умер. Я снова забыла. Забылась. Ничего, я исправлюсь. Я заслужу Царство Божие. Обязательно.

К вящему неудовольствию Федора, Алексей держался в седле даже лучше, чем он, граф Луковский, которого благородному искусству верховой езды обучали лучшие наставники. И конь у дикаря был почти так же хорош, как Нерон.

– Значит, остаться решили? – поинтересовался Алексей. Эхо дробной пылью разлетелось по болотам.

– Пока да.

– Потом поздно будет, – предупредил варвар, прищипывая жеребца. Нерон, раздраженный присутствием соперника, гневно заржал и попытался вырваться вперед, не привык он в хвосте тащиться. Отпустить бы его, пусть бы птицею пролетел, ветром пронесся, продемонстрировал стать да силу, но нельзя, не время, местность незнакомая, болота, топи, тут без проводника не обойтись.

Вчерашний ужин затянулся за полночь, дело было не столько в обилии еды, сколько в разговорах. Эльжбета Францевна расспрашивала Федора о покойной матушке, с которой состояла в близком родстве. Ядвига интересовалась столичными сплетнями и столичной модой, Алексей и тот живо обсуждал вопросы политики, удивив Луковского живым умом и довольно обширными знаниями. Одна лишь Элге хранила молчание, точно беседа ну совершенно ее не занимала. А в конце трапезы Алексей вызвался показать гостю окрестности. Что ж, от подобного предложения грешно отказываться.

Выехали на рассвете. Алексей был мрачен и зол, да и Федор чувствовал себя неудобно – всю ночь он не спал, вслушиваясь в завладевшую Урганскими топями черноту. Ему казалось – стоит закрыть глаза, и он вновь услышит тот заворачивающийся, тоскливый, словно холодный осенний дождь, вой.

Ведьмин рог. Ведьмин лес. Ведьмино болото.

– Что вы сказали? – Алексей остановил коня и, спешившись, пояснил: – Дальше лучше пешком. Тропинка узкая, а конь у вас к нашим местам непривычный. Ведьмин рог заинтересовал, Федор Андреевич?

Луковский молча последовал примеру дикаря. Земля под ногами пружинила, а каждый шаг отдавался в ушах мерзким хлопаньем.

– Загадочная вещь, этот Ведьмин рог! – Алексей бодро шагал вперед, не обращая внимания ни на хлопанье под ногами, ни на сизое, затянутое тучами небо. Того и гляди дождь начнется.

– Вроде и понятно, что все эти истории про оборотней – не более чем сказки крестьянские. А стоит услышать собственными ушами, так и верить начинаешь и в рог, и в оборотней, и в ведьм. Вы, Федор Андреевич, с тропинки-то не сворачивайте, да и коня крепко держите, чтобы не вырвался ненароком. Тут аккуратно надо, слева и справа – трясина. Вот, кстати, глядите.

Алексей остановился. Федор сначала не мог понять, куда ему следовало глядеть, потом увидел. Шагах в десяти по левую руку серая шкура болота вдруг треснула, разошлась в стороны, выставляя напоказ жидкое нутро буро-зеленого цвета. Над трещиной медленно, словно через силу, рос белесый пузырь. Достигнув полусажени в поперечнике, пузырь лопнул. Запахло серой и еще чем-то незнакомым, но гораздо более вонючим. Нерон испуганно заржал и замотал головой, пытаясь вырваться и убежать. Шалишь. Кое-как успокоив животное, Федор спросил:

– Что это было?

– Газ болотный, – пояснил Алексей. Его конь, в отличие от Нерона, стоял спокойно, видимо, привык к подобным явлениям. – Там, внутри, газам тесно, вот они наружу и рвутся. Как увидишь такой пузырь, знай – трясина.

– Ядовитый? – От гадкого запаха слезились глаза.

– Да вроде нет, хотя кто знает. Крестьяне полагают, будто там, под землей, ведьмы зелья дурные варят, а пузыри эти – с зелий тех дым.

– Куда мы идем?

– В Воронино. Тут рядом. Тоже, между прочим, ваша вотчина. Всего деревень три, небольшие, небогатые, но какие уж есть. Эта ближе всех. Если пешком идти, нужную тропу зная, то совсем быстро обернуться можно. Элге через день бегают.

– Одна? – удивился Федор. Он еще мог придумать объяснение столь частым визитам, но факт, что молодая девица «бегают» в деревню одна, без сопровождения – а Луковский не видел в доме никого, кто мог бы сопроводить Элге, – осмыслению не поддавался. И ее брат так спокойно об этом говорит!

– Ей так сподручнее.

– А Эльжбета Францевна разве не запрещает?

– Запрещает, конечно, да только за ней разве уследишь. Элге у нас птица дикая, вольная.

– Они с сестрой совсем не похожи друг на друга.

– Не родные потому что, – отозвался Алексей.

Тропинка вилась узкой девичьей лентой, потерянной среди зарослей сухой осоки и белого мха. Федор начал уставать, но признаваться и уж тем более просить об отдыхе не собирався. У него еще раньше появилось подозрение, что Алексей выбрал эту дорогу специально, желая продемонстрировать заезжему гостю, насколько тот слаб и неприспособлен к жизни на болотах.

– Ядвига – родная дочь Эльжбеты Францевны, а Элге – воспитанница, ее матушка у цыган выкупила и растила вместе с Ядей.

– А вы? – Вопрос был крайне неприличен, но вполне соответствовал и месту, и характеру Алексея.

– Я? Я тоже не родной. Мой отец женился на Эльжбете Францевне, будучи вдовцом. Эльжбета Францевна – единственная мать, которую я знаю и которую люблю. Потому всякий, кто задумает каким-либо образом причинить матушке вред, будет иметь дело со мной.

Это было предупреждение, откровенное и не прикрытое маской вежливых слов и изысканных выражений. Что ж, так, пожалуй, даже лучше.

– Похвально. Надеюсь, мой приезд не причинил неудобств?

– Что вы, вам все безумно рады.

Федор не поверил.

Тропа вывела на дорогу, грязь и вода остались за спиной, и конские копыта весело застучали по твердой, укатанной до состояния камня земле. Раздражение улеглось, более того, Луковский ощутил прилив симпатии к дикарю, когда тот сообщил, что дальше можно и верхом.

До деревни добрались скоро. Федор и сам не знал, что именно он ожидал увидеть, но, во всяком случае, не черные, наполовину вросшие в землю дома, с окнами, затянутыми какой-то мутной пленкой, неприятной даже на вид. Во дворах грязь, похожая на то давешнее болотное нутро, в грязи, суетливо разгребая желтыми лапами землю, колунаются куры. Заборы худые, дырявые и некрашеные, поражающие своей убогостью и никчемностью, такой забор не то что на коне перескочить – перешагнуть можно. Где-то на окраине трубно замычала корова, и взбудораженная ревом грязно-белая курица, суматошно захлопав короткими крыльями, бросилась под копыта Нерону. Конь взвился на дыбы, и Федор, расслабившийся и уверенный, что уж в деревне-то ему ничего не грозит, вылетел из седла прямоком в пахнущую навозом и болезненной осенней плесенью грязь.

– Черт!

Проклятая несушка замерла аккурат перед самым лицом Луковского, в круглых птичьих глазах плескался живой ужас, красный гребешок подрагивал, дрожали и грязные перья на тощей шее птицы.

– Пшла вон!

Федор поднялся, чувствуя себя последним дураком, а курица, вытянувшись в одну худую белую линию, истошно заорала. Этот ее крик окончательно вывел Федора из равновесия. Тварь издевается над ним, тварь... Додумать он не успел, сзади грохнул выстрел, и несчастная птица взорвалась красно-белым шаром. К горлу подступила тошнота. Белые перья, кровь и черная, словно уголь, словно вороново крыло, словно волосы Элге, земля.

– К беде! – Алексей спешил. – Плохая примета, когда курица петухом кричит.

– Что?

– Примета, говорю, плохая. Беду кличет, в какую сторону заорет, в ту и беда явится. – В руке дикаря дымился револьвер. – А еще говорят, будто они на ведьму указывают. Или ведьмака.

Федор с отвращением посмотрел на птичье тельце. Какие ведьмы, какие ведьмаки, он по горло уже сът местными сказками, и Алексей хорош, вместо того чтобы Нерона поймать, по курам стреляет. Варвар потер тонкий шрам над левой бровью и, вздохнув, поинтересовался:

– Не ушиблись?

– Нет. Не подскажете, где здесь можно умыться?

Луковский уже смирился с тем, что костюм безвозвратно испорчен, но воничая корка земли на руках раздражала неимоверно. Надолго ему запомнится эта поездка. Умываться пришлось ледяной водой, чуть мутноватой и странно пахнущей, пить такую Федор не осмелился бы, а вот для мытья вполне сгодилась. Местный староста отнесся к появлению нового хозяина совершенно равнодушно, а его жена, дородная и некрасивая женщина, отрядила мальчишек ловить Нерона.

– Волки не беспокоили? – поинтересовался Алексей у старосты. Тот лишь вздохнул. Видать, к волчьим набегам здесь успели привыкнуть и переживали их точно так же, как издревле переживали недород, ранние заморозки или засуху.

– Что на этот раз?

В отличие от Федора, которому все было внове, варвар в деревне чувствовал себя точно рыба в воде. Вроде и повода для гордости особого не имеется – хозяйством пристало заниматься управляющему, а человеку происхождения благородного надлежит лишь контролировать этого управляющего, чтобы вконец не проворовался – а все одно злость разбирает.

Староста Алексеев вопрос обдумывал долго, пережевывал, точно табак, и эта его неспешность окончательно выбивала из равновесия.

– У Маланы-вдовы, – наконец соизволил ответить мужик, – кобеля порвали. Хороший был кобель, справный, брехливый токмо. А у Афанасия корову зарезали, он в дом загонять не стал, и без коровы-то развернуться негде, в хлеву же крыша совсем худая. Я ему говорил, так не послушал же, а теперь плачется...

Староста покосился на Федора, по всему было видно, что мужик ждал от нового хозяина каких-то действий, а Луковский совершенно не представлял, как ему надлежало действовать. Подумаешь, корова, ну, сожрали, и Господь с ней, не человек же.

– Пусть Афанасий завтра подойдет, я Митрофану скажу, чтоб денег дал. Только предупреди, если и новую не уберезет, то придется ему деньги возвращать. Понятно?

Каждое слово Алексея староста встречал важным кивком, лохматая борода, цвета сухого болотного мха, подрагивала в такт.

Когда наконец мальчишки привели Нерона, голова Федора уже трещала от разнообразных сведений, начиная со строительства мельницы и заканчивая распахкой каких-то дальних лугов. Больше всего Луковского донимала непонятная и неприятная осведомленность Алек-

сея в местных делах и собственная, его, Федора, беспомощность. А еще староста почтительно величал варвара князем, и преданно заглядывал в глаза, точно собака, признавшая хозяина единожды и на всю свою недолгую собачью жизнь.

Плевать на старосту. Плевать на всю эту деревню вместе с ее домами, заборами, безумными курами, которые безо всякого повода бросаются под копыта коню. Федор придирчиво осмотрел Нерона, мальчишки говорливой стайкой замерли в отдалении, видать, мучило любопытство, хотелось поглядеть, как барин с конем управляться станет.

– Домой? – Алексей цыкнул на мальчишек, и те с раздражающе-радостным визгом прыгнули в стороны.

– Княже, – староста вышел к воротам и, поклонившись до земли, совсем тихо, Луковский едва расслышал сказанное, добавил: – Вы уж накажите, чтоб больше не ходила. Боятся ее люди, как бы беды не случилось.

– Вот ты и следи, чтобы не случилось! – рявкнул Алексей. – Для того старостой поставлен!

* * *

Назад возвращались по дороге, вышло и в самом деле дольше, но не в пример удобнее. Кони резво неслись вперед, а Федор обдумывал, как объяснить дамам – ежели его кто увидит – свой непрезентабельный вид. Ну не рассказывать же, в самом-то деле, о глупой курице и позорном падении из седла. Алексей всю обратную дорогу мрачно молчал, а вопрос Луковского о последней просьбе старосты просто проигнорировал.

В дневном свете дом походил на крепость, сошедшую со страниц одного из рыцарских романов, столь любимых неяснейшей Елизаветой Петровной. Блекло-серые стены, плоть от плоти болот, грелись на вялом осеннем солнце, грубый камень создавал иллюзию надежности, убивая саму мысль о комфорте. Сплошные строгие линии и никаких излишеств: ни изящных колонн в греческом стиле, ни радующей взор лепнины, ни балюстрады или витражей, ни даже статуй в саду. Впрочем, сада тоже не имелось. Федор уже решил, что всенепременно приведет дом да и все поместье в порядок. И сад разбить прикажет, и оранжерею выстроить, и цветные стекла из Петербурга выпишет.

– Уже на свой лад перестраиваете? – поинтересовался Алексей, бывлая мрачность схлынула, дикарь вновь улыбался. – Чтоб как в столице, красиво, изящно, со вкусом...

– Полагаете, не стоит?

– Отчего ж, стоит, если у вас лишние деньги имеются. Тетушка покойная, пусть земля ей будет пухом, надеялась на крепкую мужскую руку и состояние. Только, видно, нету больше состояния? – В рыжих, точно лисий мех, глазах Алексея плескалось веселье.

– С чего вы решили?

– Полагаю, – дикарь зевнул, – лишь полное банкротство способно заставить человека, привыкшего к комфорту, променять бурную столичную жизнь на тихое прозябание в нашей глуши.

– А вы проницательны... князь... – Федор специально использовал старый титул, чтобы хоть как-то задеть соперника.

– Бог с вами, Федор Андреевич, какой из меня князь, негоже вам, человеку образованному и жизнь повидававшему, повторять вслед за черню всякие глупости. Так и в оборотня поверить недолго.

– А я уж было подумал... – Федор решил, что непременно выяснит все про эти самые «глупости», раз уж Алексей не желает отвечать прямо. Пусть дикарь смеется, пусть издевается, но хозяин-то здесь не он, поместье принадлежит графу, и деревни тоже, вместе с

крестьянами и всеми их нехитрыми крестьянскими проблемами. А князь... был князь, и не стало, закончилась его вольница.

Вернувшись в дом, Федор с удовольствием констатировал – багаж привезли и даже частично разобрали. Бог с ней, с перестройкой дома, а вот дополнительных слуг нанять надобно.

Элге возникла словно из ниоткуда. Луковский готов был поклясться – в дверь она не входила, но вот же, стоит посреди комнаты, оглядывается с любопытством, а хозяина точно и не видит. Она некрасива, но отчего же так сложно отвести взгляд от этого лица? Черные брови вразлет, черные глаза, точно глубокое ночное небо, высокие скулы и крупные, резко очерченные губы. Женщина-птица. Как сказал Алексей? Вольная? Не вольная, дикая она, недоверчивая, слово поперек скажи – и улетит, упорхнет, не обернувшись.

Но что она делает здесь? В его комнате? В комнате мужчины? Это ведь неприлично, а если узнает кто?

– Как съездили? – Голос у нее оказался мягким. Как есть птица. Сирена, привлекающая путников чарующим пением своим.

– Спасибо, хорошо.

Она задумчиво погладила черную косу, а Федор все смотрел и смотрел. На что? На руки, худые, с тонкими «музыкальными» пальцами, на выпирающие ключицы и длинную шею, на платье. Бедное, без кружева и вышивки. Правильно, она же воспитанница, значит, и одевают хуже, чем Ядвигу.

– Князь злой приехал. – Дерзкий взгляд молодого графа девицу не смутил, она словно и не видела ни взгляда, ни самого Федора, сама с собою беседовала. – Недоволен чем-то.

– Волки корову загрызли.

– Корову? Это плохо. Корова – кормилица, она молоком поит, без нее не выжить. – Элге подошла к окну. – Сегодня я никуда не ходила. Они считают, что я виновата.

– Кто считает? – Федору было не по себе, он никогда не беседовал с молодыми девушками об убитых волками коровах, да и ни одна из знакомых ему девиц не вела бы себя столь неприлично.

– Крестьяне. – Элге дотронулась до толстого мутного стекла. – Они считают меня ведьмой. А вы?

– Я?

– Вы. Вы не считаете? Простите, что я так говорю, матушка часто упрекает меня за неподобающие речи, но мне очень, ну просто очень нужно знать... А вы приехали из столицы, видели много... Скажите, я – ведьма?

Лихорадочный шепот околдовывал, а глаза... Темные, точно перезревшая вишня, и такие беспомощные... В ее глазах таился целый мир, и Федор жаждал стать частью этого мира, остаться в нем навсегда.

– Я – ведьма?

– Вы... – В пересохшем горле перешло. – Нет, что вы, вы – не ведьма, вы... птица! Дикая птица...

Элге отвернулась, и мир, сотворенный ее глазами, исчез.

– Я чем-то вас обидел? – Федор готов был вырвать свой поганый язык, хотя и не знал, что же такого обидного сказал.

– Нет, что вы... Князь... Он тоже говорит, будто я на птицу похожа.

– Князь?! Князь, князь, князь... Я только и слышу целый день про князя!

Его неожиданная и некрасивая ярость разбилась о спокойствие Элге и, смирившись с поражением, улеглась у ног девушки.

– Алексей, он странный. Он злится часто, но он хороший, заботится о нас, и матушку любит, и Ядю.

– А почему князь?

– Титул такой. Его отец князем был, а потом титул отобрали вместе с замком за то, что Наполеону помогал.

– Предатель! – Федор глупо обрадовался, что его неприязнь получила хоть какое-то, пускай призрачное, оправдание. Тот, кто поддерживал Наполеона, предатель, а, следовательно, Алексей – сын предателя!

– Нет. – Элге склонила голову набок, любясь чем-то за окном, Луковский глянул, но увидел лишь толстое стекло, расцвеченное яркими пятнами. – Он хотел свободы для крестьян. Он полагал, будто раб не приносит пользу государству, а французский император обещал свободу.

– Для крестьян?

– Конечно. Дядюшку Анджея лишили и титулов, и земель. Если бы он поступил по-другому, то Алексей сейчас был бы хозяином Белой Крепи. Крестьяне помнят и уважают его. Он – достойный человек, только очень рассердился, когда узнал, что бабушка Мария завещала все не ему, а вам. Знаете, она тоже не могла простить зятю того поступка, ее муж сражался в царских войсках и был ранен. А сын вообще погиб, она всю оставшуюся жизнь обвиняла в этом дядюшку Анджея, хотя и радовалась, что Белая Крепь не ушла из семьи, поместье передали дедушке за воинские заслуги.

– Подожди. То есть сначала Крепь принадлежала отцу Алексея? А после войны перешла во владение его тестя? – Запутавшись в родственных связях, Федор растерялся. Значит, вот как объясняется странная неприязнь дикаря, выходит, Луковский вольно или невольно посягнул на то, что Алексей считал своим по праву?

– Да. – Элге тонким пальчиком чертила невидимые узоры на стекле. – Мы думали, что после бабушкиной смерти Алексей получит Крепь, других родственников у нее не было, а оказалось...

– Оказалось, что были.

– Вот именно. Князь, когда услышал, едва не умер с горя, Белая Крепь многое для него значит... Он Волчьей печатью к княжению приговорен, они помнят...

– Кто?

– Люди, – прошептала Элге. – И волки. Бабушка Мария тоже знала, но она ненавидела Алексея. Ее сын, который сражался за родину и царя, умер, а сын Анджея, предателя, помогавшего французам, жил. Она не могла допустить, чтобы к нему еще и поместье вернулось. Понимаете? – Элге неожиданно обернулась и, схватив Федора за руку, торопливо заговорила: – Я пришла попросить, я объяснила, специально рассказала, хоть князю и не понравится, если узнает... Уезжайте! Пожалуйста! Оставьте ему хотя бы иллюзию власти! Вы ведь привыкли к столице, а у нас скучно и тяжело. Уезжайте, пожалуйста!

– Не могу. – Ее пальцы были холодными, но обжигали сильнее огня. – Не могу, моя птица. Я бы уехал, клянусь, но не могу! Некуда!

В черных глазах зарождалась буря – возмущение, обида и еще нечто чудесное и вместе с тем смертельно опасное. Но один-единственный взмах ресниц, и буря умирает.

– Тогда... пожалуйста... Пощадите его!

– Ради чего?

– Ради... Ради себя самого пощадите.

Элге исчезла столь же неожиданно, как и появилась. Вот она была, и холодные пальцы дрожали в его ладони, и вот ее уже нет, лишь тонкий, на самой грани восприятия аромат напоминает о ее присутствии.

ОХОТНИК

Декабрь

Прошло три недели с того момента, как он очнулся на чертовой лавочке, понимая, что потерял все. Или почти все – после кровавого и разорительного сражения Егору удалось-таки отстоять фирму. С жильем дело обстояло хуже – подонки успели продать все три квартиры. И Юльку не вернули. На все вопросы Альдова в милиции был один ответ – мы работаем. Егор тоже работал – до оцепенения и дикой головной боли, когда оставалось единственное желание – доползти до кровати и уснуть. Сон приносил облегчение, но наступало утро, и все начиналось снова.

Альдов напряг службу безопасности и нанял пятерых детективов. Служба, потоптавшись на месте, развела руками, расписываясь в собственной некомпетентности. Четверо из свободных стрелков, переварив аванс, вежливо отказались от дела, а пятый... Пятый оказался упрямым парнем, но Егор уже ни во что не верил, хотя и продолжал платить деньги, чисто по привычке. Вчера парень сказал, что, кажется, напал на след, еще неделя, и он предоставит отчет.

Еще неделя.

Осталось прожить еще неделю.

Ведьма Сентябрь

За эту неделю я многое о себе узнала. Я – ленива, равнодушна, неблагодарна, лжива... Это все Виктория, с самого начала она твердила, что нужно думать о духе, но мое проклятое тело сопротивлялось. Оно требовало отдыха и горячей воды, и чтобы мышцы не болели, и не стоять над грядкой часами...

Наблюдает. Нельзя ее провоцировать. И, вцепившись в тяпку, точно она могла чем-то помочь, я склонилась над грядкой. Рядом неумело орудовала тяпкой Юлька, комья жирной земли летели в стороны, а она, точно не замечая, что попадает не только по сорнякам, но и по капусте, упрямо двигалась вперед. Наверное, так и надо, делать и не думать о том, что делаешь.

– Устала.

– Я тоже устала. Все жду, когда мама приедет... А она, говорят, не приедет теперь... Говорят, болела-болела и умерла...

Юля всхлипнула. Если бы у меня была такая дочь, я ни за что не бросила бы ее в подобном месте. Наверное, этой женщины действительно нет в живых. Детей нельзя оставлять без присмотра, иначе ангелы заберут их к себе.

– Тебе сколько лет? – Раньше я не задавала ей вопросов, не принято, но сегодня вдруг захотелось.

– Четырнадцать. Нет, уже почти пятнадцать. Я взрослая.

– Конечно. – Все пятнадцатилетние девушки считают себя взрослыми, это правило практически не имеет исключений. Когда-то и я гордилась своей «взрослостью». – А где твоя мама?

– Не знаю. Она спрятала меня здесь, чтобы папа не нашел. Мы убежали.

– Он обижал вас?

– Он много грешит, за это душа его будет гореть в аду. Как ты думаешь, если я буду молиться, то Бог помилует папу?

– Обязательно.

Бог милосерден. Он не станет обманывать эту чудесную девчущку, Он не имеет права обманывать.

– Знаешь, а я по нему скучаю. Когда мама вернется, я попрошу, чтобы она позвонила, если папа узнает, что с нами все в порядке, он не станет волноваться.

Киваю, соглашаясь, я бы и сама позвонила, но здесь не было телефона.

Здесь вообще не было ничего, кроме работы, молитв и ежедневной исповеди.

ОХОТНИК Декабрь

Парень не вышел на связь. Егор готов был выть от злости – его снова кинули! Скорее всего, пацаненок решил срубить бабла по-легкому, выпросил «на операцию», а сам смотался. Ни в офисе, ни дома, дверь, перед которой Егор стоял уже полчаса, заперта. На всякий случай Альдов позвонил еще раз. Тишина.

– А вы к Сергею, да?

Альдов обернулся – по лестнице поднималась девушка.

– А Сергей пропал, – быстро залопотала она, – совсем пропал, он сказал, что уедет ненадолго, и пропал. Я жду, жду, а его нету, и в офисе тоже, а дома так пусто... – Девушка вдруг всхлипнула и, точно опасаясь, что вот-вот расплачется, отвернулась.

– Он мне звонил всегда... Каждый день звонил, а вчера нет. Я ждала, ждала, целый день у телефона просидела, а он так и не позвонил... Я знаю, что с ним что-то случилось! – Незнакомка все-таки разревелась и принялась вытирать слезы колючей варежкой.

– На. – Егор протянул ей платок.

– Спасибо. Я вообще-то не плачу, просто боюсь очень, что с ним что-то случилось...

– Уехал он, – буркнул Альдов, – вот и все. Кинул и тебя, и меня и уехал.

– Неправда! Сергей никогда никого не обманывал! Он бы никогда так не сделал! Он... Он... Ему просто помощь нужна!

– А ты кто?

– Сестра.

Только сейчас Егор заметил, что девушка действительно похожа на пропавшего детектива – тот же курносый нос, украшенный россыпью веснушек, те же непослушные волосы, оттенка сухой соломы, те же голубые глаза. Пожалуй, в отличие от брата девушку можно было бы назвать красивой.

– Тебя как зовут?

– Таня. Татьяна. А вас?

– Альдов Егор Мстиславович. И Таня, давай, может, в квартире поговорим? – предложил Альдов. Он надеялся, что у Татьяны имеется ключ, и не ошибся.

– Разувайтесь, тапочки вон стоят. А дубленку в шкаф повесить можно.

Сама Татьяна, стянув голубенькую болоньевую курточку – модную, но слишком легкую для зимы, – осталась в бело-синем свитере, который хорошо подходил к джинсам и совершенно не гармонировал с заплаканной мордашкой.

– Вы идите на кухню... Туда... А мне помыться надо.

Кухню Егор нашел без проблем, да и какие проблемы могут быть, если квартира двухкомнатная стандартной планировки. Он и сам когда-то в такой жил. А кухня здесь очень женская – с занавесочками, разноцветными керамическими банками для всякой всячины и кулинарной книгой на хлебнице. На подоконнике стояла ваза с мохнатой еловой лапой, украшенной блестящим дождиком. Егор сел, прислонившись спиной к урчащему холодильнику.

– Он не мог меня бросить! – заявила с порога Татьяна.

– Не мог.

– С ним что-то случилось? – то ли вопрос, то ли утверждение, а в глазах испуг.

– Не знаю.

– Он ведь на вас работал! Он сам мне говорил!

– А что еще он тебе говорил?

– Ну... – девушка присела на краешек табуретки, – говорил, что у вас дочку украли и вы заплатите обещали хорошо... Он ведь из-за меня ввязался, он всегда за мной смотрел, а

сейчас решил, что мне поступать надо, репетиторы и так... А денег нет, а Сергей сказал, что заработает, он хотел, чтобы я в университете училась... – Татьяна заревела с новой силой, и Егор не представлял, как можно остановить этот непрекращающийся поток слез.

– Он не говорил, куда ехать собирается?

Татьяна замотала головой.

– Он оставлял какие-нибудь записи? Бумаги? Диски? – Егор перечислял наугад, во всех детективах, которые так любила Томочка до того, как ударилась в религию, человек перед исчезновением оставлял записку.

– Он... Да... Для вас... Сказал, чтобы отдала...

– Ну так отдавай! – рявкнул Альдов. Девочка послушно притащила запечатанный конверт, внутри которого лежала простая черно-белая листовка, приглашающая на «встречу с пророком и целителем, любимым учеником Великого Мо» Андреем Любятским.

ОХОТНИК Декабрь

За сутки служба безопасности «Агидели», словно стремясь реабилитироваться за прошлый провал, нарыла целую кучу информации об этом новоявленном пророке. Любятский был мошенником, причем мошенником невысокого полета, один из многих... Фотографии, правда, нет, а без снимка не понять, имеет ли Любятский отношение к пропаже Юли. Но Егор выяснит, не сегодня, так завтра. В кармане заверещал мобильник.

– Да? – получилось не очень-то вежливо.

– Егор Мстиславович? Это Таня... Вы сказали позвонить, если... – она снова волновалась и глотала слова. Альдов действительно оставлял ей свой номер телефона, просто на всякий случай, и деньги оставил, он чувствовал себя виноватым перед этой девчонкой.

– Вы меня слышите, Егор Мстиславович? Они звонили! Сказали, чтобы я не искала Сергея и чтобы передала вам... Вам... – Таня запнулась, и Альдов внезапно понял, что она плачет, размазывает ладошкой слезы по лицу и изо всех сил старается не хлюпать носом, чтобы он, не дай бог, не догадался. Татьяна судорожно икнула, видимо, плакала она уже давно. – Сказали, чтобы вы... что вы не выполнили договоренность... Что фирму отобрали, а это нечестно, и... если вы не отдадите фирму назад, будет плохо... вашей дочери будет плохо... а я... Сергея убью-ю-ют... – девушка заревела во весь голос.

– Он жив? Ты разговаривала с ним?

– Да! Он... Он сказал, чтобы... Чтобы вы не лезли... И фирму отдали...

– Твою ж мать!

В кабинет заглянула испуганная секретарша, Альдов махнул рукой, показывая, что все в порядке, и секретарша послушно испарилась.

– Они сказали, – залопотала Таня, – что отпустят Сергея, если я квартиру на них перепису. Мы сегодня встречаемся и...

– Не смей! – От его вопля чашка с остатками кофе испуганно звякнула, но секретарша на сей раз не примчалась.

– Но Сергей...

– Когда и где вы встречаетесь?

– Сегодня. Через полчаса. Они сказали, что сами приедут.

– Сиди дома и никому не открывай! – скомандовал Альдов. – Я сейчас буду.

Он бы успел, если бы не проклятая пробка, в которой Альдов проторчал почти два часа. Один придурок столкнулся с другим придурком, а остальные вынуждены терять время. Егор же терял больше чем время. Он звонил Татьяне – та не брала трубку, звонил в милицию с требованием послать патруль по адресу, его самого послали по адресу, звонил в службу безопасности, но уже понимал, что и они не успеют.

Наконец машина вырвалась на свободу. На четвертый этаж Альдов взбежал. Дверь, как и в прошлый раз, была закрыта, и точно так же звонок разливался в пустоту, но Егор продолжал трезвонить, пока не запахнула соседняя дверь.

– Вам чего? – Маленькая, но бойкая, как бойцовский петух, старушка разглядывала его с откровенной неприязнью.

– Таню.

– А вы кто? – Бабулька нахмурилась и поплотнее запахнула полы цветастого халата: красные маки на черно-зеленом фоне.

– Я – друг Сергея.

– Друг, значит? Ну, ну... Я гляжу, много у Сергея друзей-то развелось. И сегодня поднимаю сумки, между прочим, а они вниз...

– Кто?

– Так я и говорю, мужики. Двое. Один толстый, что твой кабан, другой худющий да в щетине. И Танька с ними... хорошая ж девушка была, а тут... покраснела да и говорит: «Тетя Зоя, это Сергей за мной прислал. Тут к нему друг еще приедет, так вы передайте...» Это ты, что ли, будешь?

– Я, я, – закивал Альдов. – Что передать-то?

– А ничего! – с ехидцей ответила бабуля. – Не успела она, тот кабанище вниз побег, и Танька за ним.

Вот и все. Опоздал. Егор вышел на улицу. Темнеет. Зима, потому и темнеет рано, он обещал Юльке экскурсию в Париж и еще в Диснейленд, а теперь вот сидит на лавке у чужого подъезда и думает о том, куда бы уехать, чтобы боль не догнала.

Ищайка Декабрь

Васютка и сам не понимал, какими такими потаенными тропами Сергеич от жалоб на коммунальные службы, которые отказывались чинить крышу Сергеичева дома и вообще работали из рук вон плохо, перешел на сектантов. Сергеич вещал, отравляя воздух кабинета своей любимой «Примой», а Игорю оставалось внимать, изредка вставляя одну-две фразы для поддержания разговора.

– Вот так и живем теперь, – вздохнул Сергеич. – Будем проводить оперативно-разыскные мероприятия... уже проводим. А вообще, думаю, глухой номер, не найдем мы девчонку.

– А место, где они встречались? – Васютка старательно выцарапывал из памяти подробности давешней беседы, к сожалению, времени прошло много и подробности в памяти не задержались.

– Квартира? Так, естественно, первым делом. Глухой номер. Зарегистрирована некая Саверина Анастасия Филипповна, но от этой Савериной ни слуху ни духу. Соседи говорят, будто уже пару месяцев, как исчезла.

– А заявление?

– Некому заявлять. Муж с дочкой погибли в авиакатастрофе, родителей нет, других родственников, похоже, тоже.

– Почему?

– По кочану! – рассердился Сергеич. – Ты, Игорек, еще зеленый, что тот помидор на грядке. Квартира есть? Есть. А это по нынешнему времени деньги не маленькие, на такое богатство враз вся родня слетается. А прежде чем на квартиру претендовать, нужно, чтобы человека умершим признали, для этого сначала заявление подают, потом документы в суд собирают. На Саверину никто заявления не подавал, никому эта квартира не нужна, значит, родственников нету. Логика понятна?

– Понятна, – согласился Васютка. Ему дико хотелось отделаться от Сергеича с его проблемами и забуриться куда-нибудь в столовую, а после купить бутылочку пивка и, завалившись на диван, смотреть футбол.

– Да ни хрена тебе не понятно. Ты, Игорек, хороший парень, только шустрый больно, сначала делаешь, а потом уже думаешь, а надо наоборот. Вот ты подумай, куда эта Саверина подеваться могла.

– Ну... Может, у подруг отсидивается.

– Несколько месяцев? – поинтересовался Сергеич, разминая сигарету. Кончики пальцев желтые от постоянного курения, а ногти обломанные, короткие.

Васютка и сам понял, что глупость сморозил.

– Тогда, возможно, у родных. Поэтому и заявления нету, что родственники знают.

– Ну, допустим. Тогда как в квартиру Альдов попал?

– Кто?

– Альдов, ну, тот бизнесмен, у которого жена дочку увезла.

– Не знаю. – Неожиданно игра в догадки увлекла Васютку. Действительно, как этот Альдов в квартиру попал, если хозяйки нету? Тут несколько вариантов рисуется.

– Либо ему ключи хозяйка дала... Хотя нет, не ему – он же шел туда, куда сказали, ну, в том смысле, что сам место встречи не назначал. И взлома не было?

– Правильно. Не назначал, и не было.

– Выходит, хозяйка квартиры дала ключи второму. То есть человек из секты либо очень хорошо знаком с... Ну, как ее зовут? – Имена всегда были проблемой для Васютки, в его памяти без проблем оседали даты, факты и ненужные детали, а вот имена не задерживались.

– Саверина, – подсказал Сергеич. – Анастасия Филипповна.

– Саверина. Значит, эта Саверина связана с сектой.

– Ну, молодец, ну, порадовал старика, сложил два и два... Помяни мое слово, эта квартира, она недолго будет за Савериной числиться, вот шумок вокруг Альдова поутихнет, и спихнут недвижимость. Глянь ты, снег пошел, ишь ты, давно такой красоты не видел. Новый год скоро...

Сергеич подошел к окну. За стеклом танцевали белые хлопья снега, а Васютка думал о том, какая интересная штука жизнь. Вот живешь себе, никому не мешаешь, а потом случится что, и оказывается – никому ты не нужен и искать тебя не станут.

От подобных мыслей настроение окончательно испортилось.

Ведьма Октябрь

Юлька как в воду глядела, не прошло и двух недель после того нашего разговора, как приехал Андрей. Праздничное богослужение... Губы привычно шептали слова молитвы, но ожидаемого восторга, былой радости не было, и время тянулось медленно... слишком медленно.

Наконец торжественное богослужение подошло к концу, Андрей, воздев руки над головой, благословил «благочестивых дочерей Божьих» и удалился.

– Правда, он красивый? – одними губами спросила Юлька.

Красивый? Кто, Андрей? Да ничего в нем красивого, обычный мужик.

Обычный пророк.

– А он добрый?

Я рассеянно кивнула, пытаясь затолкать крамольные мысли поглубже, я не имею права думать о Пророке как об обычном человеке. Он – Избранный.

В тот же вечер Пророк изъявил желание побеседовать со мной.

Со мной и с Юлькой.

Андрей принял нас в своих покоях, которые были обставлены гораздо лучше, чем наша землянка. Ну так он Пророк, он выше нас, он имеет право... Юлька не сводит с Андрея восхищенных глаз, а я не могу оторвать взгляд от ковра и думаю лишь о том, что ковер – это роскошь, а роскошь придумал Сатана, чтобы душа, заблудившись в мире вещей, не достигла неба.

– Вечер добрый, дети мои, – поприветствовал нас Андрей. – Садитесь.

Не осмеливаясь возразить, Юлька села прямо на пол, я последовала ее примеру. А ковер синтетический, но мягкий. Андрей молчал, молчали и мы. Я исподтишка разглядывала комнату – а неплохо, однако, он устроился, кресло, стол, огромная, как лесное озеро, кровать, телевизор, радиоприемник... Нам же запрещено! Мне запрещено, ему можно, он – Пророк.

– Сестра Виктория много о вас рассказывала... Юлией она довольна, а вот ты, Анастасия, грешна и слаба. Думаю, тебе не мешало бы исповедаться... Юлия, ты можешь идти, а ты... Думаю, нам есть о чем поговорить.

Клянусь, он смотрел мне прямо в душу, и, совсем как раньше, его взгляд вытаскивал наружу всю ту мерзость, которую я старательно прятала от самой себя. Бесплезно, Пророкам дано больше, чем обыкновенным людям.

Юлька тенью выскользнула за дверь.

– Ну, Стасенька, – сказал Андрей совершенно другим голосом, – расскажи, как тебе здесь живется?

ОХОТНИК Декабрь

Спустя три дня с момента похищения служба безопасности ООО «Агидель» отыскала-таки Курпатову Татьяну Анатольевну. Передозировка героина. Пародия на самоубийство, которой в милиции охотно поверили, а его даже слушать не стали.

Альдов взял на себя организацию похорон: самый дорогой гроб, самый дорогой ресторан, он выбрал самый дорогой памятник, он... он не сумел спасти эту девчонку, которая, наверное, так и не поняла, почему ее убили, и теперь просто силится засыпать деньгами чувство вины.

Волчья пасть ухмылялась с перстня. Почему так? Проклятие лишь на нем, но тогда почему пропала Юля, и Таня, и парень этот... или ни при чем проклятие, топи-то высохли, значит... ни черта не значит. Нет никакого проклятия, а волчья печать – всего лишь перстень, память об отце.

В кармане сложенная пополам листовка «Великий пророк и ученик», вот он точно должен знать все о проклятиях, и Егор спросит. А тот ответит. За все.

Белая крупа полупрозрачной фатой укрыла и грязный холмик, и замерзающие цветы.

Попасть на встречу оказалось несложно. Всего-то и нужно было, что заплатить пятьсот рублей за вход. Поскольку пригласительный билет давал право на скидку в пять процентов, вышло даже немного меньше. Егор немного опасался, что «любимый ученик великого Мо» узнает его, поэтому сел в самом последнем ряду – к счастью, на входном билете место не указывалось. До начала выступления оставалось минут десять, народ прибывал, и свободных мест становилось все меньше.

Встреча с «пророком и целителем» проходила в кинотеатре «Звезда», который словно продолжал существовать в прошлом. Потемневший от времени занавес, за которым скрывался экран, ровные ряды жестких стульев с общими подлокотниками, и толстая тетка в очках, зорко следившая за порядком в зале.

– Молодой человек, – обратилась к Егору представительная дама в зеленом пальто, – вы бы поближе пересели, здесь будет плохо видно.

– Спасибо, но я как-то...

– В первый раз, что ли?

– В первый, – признался Альдов, мысленно он добавил, что и в последний, он не собирается становиться поклонником «любимого ученика», он пришел, чтобы убедиться, что Любятский и есть тот самый Андрей, с которым Егор встречался на улице Цветочной.

– Вы не пожалеете! – дама восторженно закатила глаза. – Он так помог мне, так помог, я жила во тьме, а он вывел меня к Свету! Моя душа воспарила к Господу!

– Поздравляю. – Беседа начала раздражать Егора, еще одна сумасшедшая вроде его Тома, та тоже сначала к Господу воспарила, а потом потребовала, чтобы Альдов воспарил вслед за ней, чтобы покаяться и очистился от грехов. А он не хотел ни парить, ни каяться, ни очищаться, он хотел жить нормально, чтобы работа и семья, и совместные ужины, и отдых, и походы в кино, а не на проповеди безумца, возомнившего себя Пророком.

– Нет, вы не понимаете, – дама укоризненно покачала головой и, к огромному неудовольствию Егора, села на соседнее кресло. – Я была грешна, я и сейчас грешна. – Она принялась расстегивать пальто. Крупные желтые пуговицы выскальзывали из анемичных пальчиков, и, промучившись минут пять, дама разрыдалась. Егор молча наблюдал за тем, как по розовым круглым щекам катятся крупные слезы. Волчья печать жгла палец, то ли предупреждение, то ли просто аллергия.

– Извините, – пробормотала дама, вытирая слезы кружевным платочком, – извините, это бесы противятся слову Божьему, не хотят уступать душу.

Альдов был абсолютно уверен, что бесы тут совершенно ни при чем, а дамочке не мешало бы сходить к врачу.

– Скоро начало-то? – Ждать надоело, Пророк опаздывал уже минут на десять.

– Скоро, – успокоила соседка, – вот последние верующие соберутся, и начнется.

– А для верующих вход бесплатный?

– Конечно, нет, – женщина даже голос повысила от возмущения, – мы не платим, мы вносим добровольное пожертвование в фонд церкви, и на эти деньги Пророк помогает детям, старикам, всем тем, кого бросили и забыли... Смотрите, начинается! И все-таки вы слишком далеко сели!

К огромному удивлению Егора, занавес раздвинулся, свет погас, а из динамиков под потолком полилась музыка. Альдов обернулся на соседку, та сидела, вцепившись ручками в черную сумочку, и не сводила глаз со сцены.

– Добро пожаловать в храм, дети мои! – Голос заглушил музыку, а человек на сцене поклонился. – Вы скажете, какой же это храм, сие место принадлежит миру, а не Богу, но я отвечу вам, храм – не здание, храм – люди! Люди, чья душа открыта слову Божию, сами и есть храм!

Соседка всхлипнула, видать, бесы вновь принялись терзать бедняжку, но Альдову было не до соседки, он во все глаза смотрел на Пророка и пытался понять, Андрей это или не Андрей.

Далеко, слишком далеко и слишком темно, по телосложению похож, но... Зря он сел в самом последнем ряду.

– Помолимся, дети мои! – предложил Пророк. Музыка стала громче, а по белому экрану потекли слова молитвы.

Ведьма Октябрь 200...

Уже неделю я была ведьмой. Нет, не совсем верно, Андрей говорит, что ведьмой я была всегда, просто он, ослепленный любовью к людям, не сразу это понял.

Скотина. Это я про Пророка, если бы не он... если бы не моя собственная глупость. А как хорошо все начиналось! Андрей долго разговаривал со мною, ласковый голос, цитаты из Писания, любовь к Богу и людям... А я, дура, слушала развесив уши.

Потом была баня, хотя по правилам до следующего купания оставалась целая неделя. И сестра Виктория притащила кусок замечательного, великолепного, ароматного туалетного мыла, а к нему еще и шампунь, и бальзам, и длинный розовый халат, мягкий и приятный на ощупь. И снова личные покои Пророка: личная кухня, личный санузел и личный будуар, ну, точнее, спальня, просто ассоциировалась она с женским будуаром – тяжелые портьеры, круглая кровать, погребенная под горой разнокалиберных подушек, круглый же столик и фарфоровые безделушки на столике.

Дальше было как в плохом кино: Андрей вывалился из душа, бело-розовое, словно творог с вареньем, тело Пророка удивительно гармонировало с обстановкой спальни – такое же неуместное и неприятное на вид. Тело было упаковано в дорогой махровый халат и пахло дорогим мужским парфюмом. Я еще пыталась убедить себя, что ошибаюсь в намерениях нашего дорогого праведника, а Андрей уже разливал вино по бокалам. Он вообще был удивительно спокоен, видать, не в первый раз проделывал подобные штуки. Сама же ситуация была невообразимой... Он протянул бокал, я выпила, вино подействовало странным образом – кровь будто загорелась, и жар требовал выхода, угрожал сжечь мое тело, превратить в горстку пепла, если я не сделаю что-нибудь. Я еще пыталась погасить призрачный огонь, когда Андрей, решив, что все идет по плану – если у него имелся план, – поцеловал меня.

Если бы не вино, если бы не моя глупая и не вовремя рухнувшая вера, все могло бы быть иначе, но что сделано, то сделано, я залепила Пророку пощечину. Хорошую, звонкую пощечину, а он... Он ответил той же монетой, больно и обидно, а из носа пошла кровь. А потом... Все было некрасиво, пошло и предсказуемо, мужик, конечно, оказался сильнее...

Андрей оказался сволочью. Ненавижу. И его, и себя, и это место, сбегу при первой же возможности. Обязательно сбегу, странно, что эта мысль раньше не приходила мне в голову. Нужно только выбраться из этого погреба.

Ведьма... Смешное и глупое слово, ведьм не бывает, но почему тогда Андрею поверили? И зачем ему вообще эта игра в инквизитора? Я не могла отделаться от ощущения, что все происходящее вокруг меня несерьезно: и подвал со скользкими черными стенами, и новая, еще в масле, цепь, которая надежно приковывала меня к стене, и Андрей. Зачем он пришел?

Андрей уселся на стул, который притащили сюда, исключительно дабы Пророку было на чем сидеть. Мне полагалось стоять, желательнее на коленях, я же нагло уселась на пол, ну и что, что он холодный и не слишком чистый, я уже привыкла.

– Так и собираешься молчать? – поинтересовался Андрей. Сегодня на нем зеленый балахон, богато расшитый золотой нитью, балахон собрался крупными складками на животе, подол задрался, обнажая худые волосатые ноги, а черные ботинки смотрелись совсем не к месту.

– Молчание, Анастасия, ни к чему не приведет. Но если ты не созрела для беседы, так и скажи, мне тоже спешить некуда, недельку обожду или две, это уж как получится. Правда, боюсь, что две недели в таком месте не слишком полезны для здоровья. Хотя... Может быть, тебе здесь понравилось?

– Нет. – По правде говоря, этот бункер навевал на меня ужас. Он похож на могилу – стены пахнут землей и гниющим деревом, на поверхности собираются капельки влаги, а вместо солнечного света – тусклая лампочка на витом шнуре.

– Хорошо, значит, договоримся.

– Вряд ли, – он был мне противен, гораздо больше противен, чем этот подвал. – Иди к черту.

Андрей поднялся, медленно, словно бы нехотя, потянулся, совсем как тигр в зоопарке, а потом... Одно движение – и он оказался рядом, еще одно – и пухлая ручка вцепилась мне в волосы.

– Ты что, девочка? – прошипел он прямо в лицо. – Шутить со мной вздумала?

– Больно!

– Это еще не больно, – в доказательство Андрей повернул руку, и стало еще больнее, слезы сами брызнули из глаз. – Ты, Анастасия, кажется, так ничего и не поняла. Тебя, дорогая моя, не существует. Ты – никто. Я могу уйти и оставить тебя здесь, будешь медленно подыхать от голода и жажды. Могу продать в какой-нибудь бордель, там из тебя быстро дурь выбьют, будешь обслуживать кого скажут, пока не загнешься от СПИДа, сифилиса или передоза. А еще я могу просто пристрелить. И никто тебя, девочка, не хватится, не станет искать, давать объявления в газеты, обещать вознаграждение... А знаешь почему? Да потому что ты, Анастасия, никому-то, кроме меня, и не нужна.

Он разжал руку и брезгливо вытер ладонь о зеленую ткань. Я же боялась пошевелиться – кожа на голове горела огнем, такое ощущение, что с меня живьем скальп содрали, но боль отошла на второй план – Андрей прав, тысячу раз прав, если со мной что-нибудь случится, то... то никто меня не хватится.

– Только ничего этого я делать не стану. Это неинтересно... а нам с тобой будет очень интересно, обещаю. А для начала ты подпишешь некоторые бумаги... не упрямясь, милая, о тебе же забочусь.

– Иди к черту!

Он только рассмеялся.

Ужинали в том же зале, что и вчера. В камине рыжим зверем шевелилось ленивое пламя, в тяжелых медных канделябрах медленно оплывали восковые свечи, а в углах ютились тени. Каменные стены цвели сыростью, и даже гобелены были не в состоянии уберечь от нее.

– Вы столь серьезны, Федор. – В глазах Эльжбеты Францевны читался вопрос. Пожалуй, она права, он чересчур серьезен, уж больно необычный день сегодня выдался. Деревня, курица, князь, Элге... Она сидит в самом темном углу, словно боится показаться на глаза. Кому? Ему? Но Федор был абсолютно уверен, что ни словом, ни действием не обидел ее. Эльжбеты Францевны? Но матушка добра к своей воспитаннице. Ядвига? Алексея? Скорее всего, именно Алексея. Князь за весь вечер не проронил ни слова, но его взгляды – яростные, полные ненависти и отчаяния – говорили за себя. Федор не мог отделаться от неприятного чувства, что стоит ему повернуться спиной – и Алексей, не выдержав напряжения, ударит, вцепится в загривок, подобно дикому зверю, защищающему свою территорию.

– Печально, но современные молодые люди не проявляют склонности к размышлениям, им подавай танцы и веселье, а оценить прелесть неспешной беседы они не в состоянии. – Эльжбета Францевна мило улыбнулась. – Отрадно видеть в вас серьезность.

– Боюсь, в этом нет моей заслуги, здесь все вокруг располагает к размышлениям.

– А мне тоже нравится мечтать! – воскликнула Ядвига и, смущенная собственной дерзостью, залилась румянцем. Как же она красива, почти неправдоподобно хороша, но это совершенство оставляет Федора равнодушным, оттого что Ядвига – это не Элге...

– Ядя у нас большая мечтательница. – Алексей наконец соизволил заговорить. – Вечно придумает себе целую гору глупостей.

– И вовсе это не глупости!

– А я тебе говорю – глупости!

– По-моему, нам пора перебраться в музыкальную комнату... – Эльжбета Францевна с шелестом захлопнула веер. – Федор Андреевич, вы не поверите, но девушки чудесно музицируют. Алексей, распорядись, чтобы зажгли свечи.

Алексей застонал, но подчинился. Видимо, он и в самом деле любил мать.

Музыкальная комната отличалась от зала лишь наличием клавесина и бело-голубой обстановкой, мебель сравнительно новая, с претензией на красоту и единство стиля. Федор сел поближе к камину и приготовился к долгому и нудному вечеру. Он и в Петербурге-то страдал невыносимо, когда очередная лишенная слуха и голоса девица принималась мучить инструмент, дабы поразить немногочисленных слушателей блеском таланта. Но в столице с девицами занимались лучшие педагоги, а чего ожидать от здешней глуши, где и инструмента приличного-то нет? Даже издали видно, что клавесин рассохся и едва не разваливается от старости.

Первой выступила Ядвига, играла она вполне прилично, правильно и невыносимо скучно. Федор, сам того не замечая, задремал, очень уж обстановка располагала – полумрак, огонь в камине, убаюкивающее дребезжание старых струн. Нет, если и Элге будет играть нечто подобное, он точно уснет, а потом долго будет корить себя за столь откровенное хамство.

Но Элге не стала играть, она запела, без нот, без аккомпанемента, но ей и не нужен был аккомпанемент. Ее голос то взлетал, рассыпаясь огненными искрами, то обволакивал, то дрожал, то плакал. И толстые свечи рыдали вместе с ним. Свечи рыдали о любви и предательстве, о смерти и мести, о боли и душе, которая никак не решится улететь на небо, оставшись с любимым... Баллада незнакома, слова безыскусно просты и местами неуклюжи, но отчего так тревожно замирает сердце?

Элге замолчала, такая трогательно-некрасивая, одинокая и вместе с тем недоступная. Дикая, дикая птица...

– Молодец, деточка. – Эльжбета Францевна вежливо похлопала. – У Элге хороший голос, но, к несчастью, она чересчур непоседлива, чтобы всерьез заниматься музыкой. И эти песни, право слово, я понятия не имею, откуда она их берет.

– Придумывает! – фыркнула Ядвига. Насупленные брови и поджатые губы говорили о раздражении и неприкрытой обиде.

– Ох, Элге, девочка моя, – Эльжбета Францевна печально покачала головой. – Она очень романтична и очень впечатлительна, вот и придумывает себе... Пожалуй, стоит подумать о замужестве. К сожалению, достойных женихов в округе не так и много... а выехать в столицу даже на один сезон мы не можем. Печально, не правда ли?

– Печально, – согласился Федор.

– Ах, Федор, вам не понять, мир устроен в угоду мужчинам, а женщинам остается лишь приспособливаться к нему и надеяться на лучшее. Но на что, скажите, в этой глуши может надеяться Ядвига?

– Матушка, перестаньте. – Алексей слегка успокоился и выглядел почти нормально. Во всяком случае, ненависти во взгляде убавилось. – Федор Андреевич вон чем не жених? Молод, собою хорош, да и не беден, целой Крепи хозяин!

– Алексей! – На сей раз голос милой дамы звенел, подобно сабле казацкой. – Твое поведение...

– Ну не за оборотня же ей, в самом-то деле, замуж выходить!

В комнате воцарилась тишина.

– Прошу прощения. – Алексей выбежал из комнаты, похоже, и он понял, сколь оскорбительно высказывание. Ядвига тихонько всхлинула, по глазам видно – еще немного, и запла-

чет во весь голос. А Элле улыбалась. Федор мгновенно возненавидел ее за эту неуместную, но такую заразительную улыбку.

– Матушка... – Ядвига все-таки не выдержала, из голубых глаз хлынули целые потоки слез.

– Эльжбета Францевна, прошу меня извинить, – Федор поднялся, попутно пытаясь придумать подходящую причину, чтобы оправдать свой уход, – но мне срочно нужно написать письмо одному... знакомому. Его весьма интересовали местные поверья.

Отчего-то упоминание о поверьях вызвало новый поток слез. Откланявшись, Луковский быстро, пожалуй, даже быстрее, чем позволяли правила хорошего тона, удалился.

Ищайка Январь

Тяжело работать сразу после Нового года, когда память еще хранит буйные краски прошедшего праздника, даже в управлении и то по стенам висит дождик, а в холле прикорнула худосочная елка. Пока не уберут, нормальной работы не будет, решил Васютка, натягивая на ходу куртку.

– Эй, Игорек, стой-ка. – Игорь послушно остановился, проклиная себя за то, что не смотался домой часом раньше, пока Сергеич был занят раскладыванием пасьянса. – Ты куда?

– Ну... – Васютка тщательно обдумывал ответ, вообще-то он планировал посидеть часик в баре, что на соседней улице. Бар открылся недавно и пока отличался чистотой, уютом, вежливыми официантками и вполне удобоваримыми ценами. Сказать Сергеичу? Так он следом увяжется, а денег в обрез, если кого и угощать, то какую-нибудь девицу посимпатичнее, а уж никак не Сергеича.

– Пошли, Игорь, место одно покажу, – предложил капитан. – Недавно открылись, так что пока вполне ничего. Посидим, пивка попьем, заодно за жизнь поговорим.

– Пошли, – вздохнул Васютка. Вечер можно было считать испорченным, разговор «за жизнь», скорее всего, затянется, пиво и закуска сожрут все свободные финансы, и на знакомстве с симпатичной дамой можно ставить жирный крест.

Бар, как и предполагал Васютка, оказался тем самым, впрочем, ничего удивительного, заведение-то в двух шагах от управления, странно еще, что, кроме них с Сергеичем, никого из своих нету.

– Эх, Игорь, а раньше вот ничего такого не было. Столовые – это да, ну еще рестораны, а вот чтобы пивка культурно попить – это только дома. – Сергеич с почти детским восторгом рассматривал внутреннее убранство бара. На Васюткин взгляд, ничего особенного – много дерева, на стене автомобильные номера да остов велосипеда, над барной стойкой – мотоциклетные шлемы на полочке. Бар как бар, по вечернему времени народу много, они с Сергеичем с трудом свободный столик отыскивали.

– Я вот смотрю и думаю, живут же люди...

Официантка сгрузила на столик с подноса высокие бокалы с пивом, тарелочку с сушеной рыбой и еще одну с бутербродами. Пиво было холодным, с высокой плотной шапкой белой пены, бутерброды выглядели почти как произведение искусства, негромкая музыка расслабляла, и перспектива провести вечер в компании Сергеича показалась Васютке не такой и ужасной.

– Эх, хорошо. – Сергеич одним глотком осушил стакан наполовину. – Вот так бы каждый день, а то, понимаешь, только и делаешь, что пашешь. Тьфу. Вот у тебя, например, что с той наркоманкой, которую на вокзале нашли? Мутное дело?

– Мутное, – согласился Васютка. – Там, Сергеич, вроде как и ясно все...

– И вроде как ни хрена не ясно, – закончил фразу Сергеич.

– Точно. Девчонка скончалась от передозировки героина. Дурь, кстати, первосортная, чистенькая, ничем не разбавленная, что само по себе странно. Дилеры, они ж обычно товар разбавляют, чтобы, значит, заработать побольше. – От мыслей стало слегка грустно, потому что Игорь четко осознавал, что ни мысли, ни догадки, ни даже разговор с Сергеичем ничегошеньки не изменят, не сегодня-завтра дело закроют, а что девочку жаль, ну так на всех жалости не хватит. Печальные мысли Васютка заел бутербродом, а потом и пивом запил. Сергеич терпеливо выжидал, не подгоняя и не спрашивая.

– Если дальше разбирать – то девчонка чистенькая, на венах ни старых, ни свежих следов не обнаружено, только этот один. В школе ее характеризуют однозначно – отличница, умница, домашняя девочка, вся кругом положительная, она даже не курила, представляешь?

Сергеич серьезно кивнул. Представлял.

– Оно, конечно, очень может быть, что она недавно попробовала, неудачно вкатила первый укол. Может так быть?

– Может.

– Вот и шеф говорит, что может. – Пива в бокале осталось на два пальца, и Васютка махнул, чтобы принесли еще. – А мне как-то не верится, чтобы с первого разу и герыч чистый, и доза большая, и никто ей не помог, не объяснил, как надо, и вену сразу нашла. А если колола не сама, то отчего так много? Наркоши – народ экономный, ее дозу на двоих минимум разделить можно было, и разделили бы, это я тебе как на духу говорю! И родственников нету. Вернее, где-то имеется старший брат, но вот незадача – пропал. А соседка утверждает, будто бы к Курпатовой незнакомые люди приходили, вроде бы как друзья брата, с которыми она и уехала в неизвестном направлении. А чуть позже, в тот же день, еще один мужик появился, очень интересовался, куда это Курпатова подевалась и с кем уехала, тоже назвался другом брата. Что характерно, никого из этих так называемых друзей соседка раньше не видела. Я вот что думаю, скорее всего, тут дело не в девчонке, а в брате ее. Видать, влез куда не надо, вот его и решили припугнуть или одернуть, посадив единственную, горячо любимую сестренку на иглу, да вот дозу рассчитали неверно, она и загнулась.

– Правдоподобно. – Сергеич вяло расковыривал сухую рыбешку, на тарелке уже собралась горка из тонких рыбных косточек, желтых, как Сергеичевы пальцы, плавников да сухих голов с выступившими вокруг ртов белыми крупинками соли.

– А самое интересное, нашел я того мужика, который последним приходил. Ну, не то чтобы нашел, просто выяснил, где его искать. Соседка сказала, что он вроде как хоронил Курпатову, а по документам счет за ресторан и услуги агентства оплачивала фирма «Агидель»... Название ни о чем не говорит?

Сергеич вяло пожал плечами.

– А фамилия Альдов? Егор Мстиславович? – Васютка раздражался, понимал, что глупо злиться, тем более что Сергеич не имеет отношения к его, Васюткиным, неприятностям и душевным терзаниям, но все равно раздражался. Не может Сергеич не вспомнить фамилию, сам же рассказывал.

– Тот самый? Любопытное совпадение...

– Совпадение? – меньше всего Васютке виделось в этом деле совпадение.

– А ты, Игорек, особо вглубь не копай, мой тебе совет. Альдов – человек не маленький... и проблемы у него не маленькие, а в чужих неприятностях копать себе дорожку.

– Думаешь, это он? А зачем?

– А кто его знает. Чем брат пропавший занимался, выяснил?

Васютка кивнул. Выяснил, как без этого, только информация очень уж неконкретная: ну да, имелась у Курпатова лицензия частного детектива, так кто ж знает, какие дела он, прикрываясь лицензией, проворачивал.

– Вот и я говорю, – Сергеич размял пальцами серое тельце сигареты. – Кто его знает, на чьей стороне этот Курпатов играл, может, за белых, может, за черных... пока самого не найдешь, не спросишь. Если найдешь, конечно. А что касается Альдова, то... ну... если не виноват, то чего лезть? А виноват... ты к нему с расспросами, а он скажет, что добрый по натуре, стало жаль девочку, которую похоронить некому. Или что с наркотиками таким способом борется. Или что покойная бабуля этой Татьяны была лучшей подругой его покойной троюродной тетки. Оно тебе надо?

– Девчонку жалко.

– Жалко. – Сергеич вытер ладонью седые усы. – И согласен, что это чистой воды убийство, только... Ну найдешь ты этого гада, который героин ей вколол, что из того? Да ты в жизни не докажешь, что ей насильно тот укол сделали.

– Сергеич!

– Да ты дослушай сначала! – рявкнул Сергеич. – Мне и девчонку жалко, и тебя, дурака. Сам не соображаешь, куда лезешь. Короче, Игорь, закрывай ты это дело, к чертовой матери, и к «Агидели» этой не приближайся. Где один труп, там и два, понятно?

– Понятно, – буркнул Васютка. На душе стало совсем погано. Не сам же Сергеич решил поучить его жизни, видать, попросил кто-то, знать бы еще кто – свои или кто-то «с другой стороны». А как тут узнаешь? Никак. Вот и остается допить пиво да, добравшись до дома, завалиться на диван.

ОХОТНИК Январь

Встреча длилась больше двух часов. За молитвой последовала проповедь, из которой Егор узнал, что все без исключения люди грешны и мир тоже грешен, равно как и католическая церковь. Слушать было интересно, пророк оказался неплохим ритором, он даже не поленился вовлечь в беседу первые ряды. Дама в пальто шепотом пояснила Егору, что это – обыкновенное явление, Пророк и целитель всегда открыт для своей паствы. Вот такой он хороший человек.

В последнем Альдов крепко сомневался. Хорошие люди не отбирают чужой бизнес и не угрожают в случае отказа продать ребенка в публичный дом. И вообще хорошие люди творят добро бесплатно. Но все сомнения Егор держал при себе – еще нужно убедиться, что это именно тот самый «целитель».

– Как он верно говорит! – Дама вздохнула и промокнула слезинки платочком. – Вы обязательно должны прийти к нему со своей проблемой.

– А с чего вы взяли, что у меня проблема?

– Я вижу, – трагическим шепотом произнесла она. – Он открыл во мне способность видеть! У вас на сердце черная туча, это большое горе, очень большое. Возможно, чья-то смерть. О да, я вижу призрак смерти! Он парит над вами! Это Ангел! – взвизгнула она. – Пятый ангел вострубил над челом твоим! – Палец-веточка уперся в грудь Егору. Он совершенно растерялся, соседка забилась в странном припадке, затряслась всем телом, глаза закатились, руки вцепились в Егорову куртку, а кривой рот продолжал выплевывать слова:

– Дух... Птица... Женщина-птица. Глаза ее – вороны крылья, волосы ее – вороны крылья... Душа ее – душа зверя... волку волчье, птице птичье... печатью запечатано... крепко слово... одному не выжить, силой не удержать...

– Да помогите же! – Егор попытался подняться, но сумасшедшая соседка повисла на нем, подобно гире, она кричала что-то про зверя, ангелов бездны, суд божий, баранов и козлиц, которых зачем-то нужно разделять. – У нее припадок!

– Это не припадок. – Альдов так и не понял, как здесь оказался Пророк. – На нее снизошел Дух Святой.

Пухлая белая ладошка легла на лоб женщины, и та затихла.

– Она говорила...

– Я слышал. Это откровение святого Иоанна Богослова.

– Пятый ангел.

– Апокалипсис. Семь ангелов. И седьмой ангел вострубил, и раздалось на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа и будет царствовать во веки веков. Зря вы сюда пришли, Егор Мстиславович.

– Знаете, Егор Мстиславович, я ведь не имею никакого отношения к вашим проблемам. – Андрей сидел в кресле расслабившись, словно разговор ну совершенно его не напрягал. Впрочем, это и разговором назвать-то нельзя было, так, болтовня одного собеседника и невнятное рычание другого. А мордovorот, подпиравший стену, следил, чтобы рычание не перешло в действие.

Странно, что охранник один и «крыша» до сих пор не появилась. Либо Пророк тянет время и подмога уже на подходе, либо он действительно уверен, что беседа пройдет мирно. Как и в прошлый раз, шут представился Андреем. Тогда, в зале, Альдов не на шутку перенервничал, но целитель не стал ни убегать, ни звать охрану, а предложил мирно поговорить. Потом, после представления. Нет, Андрей назвал представление сеансом и поговорить предложил «после сеанса», прозвучало смешно и как-то по-честному, Егор согласился.

– Егор... Ничего, что без отчества?

– Ничего.

– Так вот, Егор, скорее всего, вы не поверите, но тот эпизод... это не то, чем я мог бы гордиться.

– А у вас есть чем гордиться?

– Как и у любого человека. – Андрей налил вина в бокал и, пригубив, блаженно зажмурился. – Хорошо. Жизнь, знаете ли, она из мелочей складывается. Дом, камин, бокал вина... Хотите?

– Нет, спасибо.

Вино перекатывалось в пузатом бокале тяжелым сгустком крови. У него даже цвет был подходящий – густо-красный, почти черный, как у роз, которые кладут на могилу. Егор ненавидел розы и вино тоже возненавидел, как и этого человека, что наслаждался жизнью за его, за Егоров счет.

– Где моя дочь?!

– Не имею понятия. Ни малейшего. Даже не догадываюсь. Спокойно, Егор Мстиславович! Спокойно. Я больше чем уверен, что с вашей дочерью все в порядке. – Андрей поставил бокал на столик. – Сами подумайте, стал бы я продолжать, если бы... Ну, мне было бы проще вернуть девочку, в конце концов, особой ценности она не представляет, а проблем создает много, но девочка не у меня.

– А у кого?

– Не знаю. Поверьте, я в этом деле человек совершенно случайный. Да, признаю, ваша супруга посещала мои занятия...

– Не бесплатно, конечно.

– Конечно, – согласился Пророк. – У каждого свой бизнес, вы автокосметику продаете, я надежду. Томила была очень щедра, и мне было достаточно того, что она платила. Но последнее время Томила, как бы это правильно выразиться, несколько разочаровалась в моем учении... Более того, она даже подумывала о том, чтобы совсем разорвать отношения... отмечу, исключительно деловые. – Андрей покосился на мордворота у стены, словно оценивая, сумеет ли тот оградить его драгоценную особу от посягательств со стороны Альдова, ежели таковые последуют. Видать, предстояло вытащить на свет вещи неприятные, вот Пророк и опасался за сохранность собственной шкуры. Не зря опасался, надо сказать, Егор едва сдерживался, угваривая себя, что сведения, которыми готов поделиться этот шут, сейчас важнее всего остального, тем более что морду Пророку он еще успеет набить. Непременно успеет и непременно набьет.

– Думаю, мы бы разошлись спокойно, я не ищу лишних неприятностей, а они всенепременно возникли бы, если бы я стал препятствовать Томиле. Она у вас женщина нервная, но умная и упрямая, такие умеют душу наизнанку выворачивать... В общем, я очень удивился, когда она попросила меня о помощи. Она хотела уйти от вас, но боялась, что вы отберете девочку, вот и придумала дурацкий план с похищением. Я подчеркиваю – никакого похищения не было и быть не могло.

– А что было? – Сердце рухнуло куда-то в желудок и теперь нервно трепыхалось, раздавленное чудовищной ложью. Томочка придумала уйти от него и забрала Юльку? Андрей врет. Он всегда врал. И в тот вечер, когда заставил подписать документы, угрожая расправиться с Юлькой, и сегодня тоже. Томочка не могла поступить так.

– Было бегство. Своеобразный развод и раздел имущества. Ваша жена получила недвижимость, вам осталась фирма. По-моему, справедливо. Что с вами, Егор Мстиславович? Вам плохо?

– Да. Нет. Нормально. – Воздух дрожал перед глазами сотней мелких капель, но стоило сфокусировать взгляд, и капли расплывались серой мутью. Егор хотел заглянуть в глаза пророку, говорят, по глазам можно понять, говорит твой собеседник правду или лжет, но фигура

Андрея плыла в серой мути, и лицо казалось плоским грязно-розовым блином, где уж тут глаза рассмотреть. Альдов моргнул, пытаясь прогнать наваждение, тщетно, голова кружилась, а в висках стучало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.